

Вс. АЗАРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
СЧАСТЬЯ

16549

ИВ АЗАРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СЧАСТЬЯ

12/III 2016 Петрозаводск 2007/16

16 Дедюков

21 Карманова 9/11

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1961

Академик В. П. Филатов.

617.7
А 35

ГЕРОИ
И ПОДВИГИ

Вс. АЗАРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ

З. Виссер, Ниссенбург
Главных борцов
и их семьи. В. П. Филатова
16549 г. Одесса

БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1961

«Все средства науки для исцеления больного. Никогда не опускать рук и бороться до конца» Таков завет, оставленный всем врачам Владимиром Петровичем Филатовым, человеком, имя которого известно всему миру. Более 50 лет отдал он исцелению слепых, возвращая людям свет, счастье. О жизни, о каждодневной борьбе за это счастье рассказывает в своей книге, посвященной академику В. П. Филатову, ленинградский поэт В. Б. Азаров, знавший его лично.

Книга рассчитана на широкого читателя.

Издательство просит присылать отзывы и пожелания по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

*«Все средства науки для исцеления
больного. Никогда не опускать рук и
бороться до конца».*

В. П. ФИЛАТОВ

ИСКАТЕЛЬ

В комнате светло и тихо. На столике возле окна лежат ящик с тюбиками красок, загрунтованные холсты, кисти. Походный мольберт, спутник в неутомимых исканиях. На стенах развешаны небольшие картины, изображающие преимущественно ландшафты родной природы, пронизанные солнцем, — скалы над морем, причерноморскую степь, горы. Все это человек, проживший здесь долгие годы, страстно любил.

Солнце скользит по зеленым листьям комнатных растений, по филенкам дверей, на которых неутомимый художник тоже изобразил яркие весенние цветы Украины и среднеазиатские голубые ипомеи, предмет его особой привязанности.

Лишь один, оставшийся незавершенным, последний набросок писан не с натуры: незнакомая река, старинное китайское строение. Кто же он, хозяин этой комнаты? Художник?

Не менее, чем живопись, русский врач и ученый Владимир Петрович Филатов любил и поэзию. Рядом с

незавершенной картиной книга, короткие столбики стихов. Ее часто и охотно читали. Томик открыт, по-видимому, на особенно понравившихся строчках:

Конь примчался
С северо-востока,
Стрелами
Седло его пробито.
Жаль того,
Кто пал в бою жестоком —
Что теперь
Узнаешь об убитом?
Может, рядом с ним,
На поле боя,
Нашего сразили полководца...
Смерть сейчас
Бредет любой тропюю —
Много слез моих
Еще прольется*.

Стихотворения Ду Фу, знаменитого китайского поэта восьмого века, Владимир Петрович знал почти наизусть, любил читать друзьям, попытался даже по старинному изображению нарисовать родные места поэта.

На листке бумаги характерным, крупным филатовским почерком записано его посвящение Ду Фу:

Пусть мы с тобой эпохи не одной,
Пусть разными мы говорим словами
Все ж ты мне милый брат родной,
Одними мы увлечены мечтами.

Эти строки Филатов писал, когда ему шел восемьдесят второй год.

В комнате много предметов искусства, книг, свидетельствующих о широких эстетических вкусах ее хозяина. На шкафу — статуэтка скорбной обездоленной женщины. «Беженка» — так назвала свою работу, подаренную академику Филатову, слепой скульптор Лина По. Пейзажи замечательного лирика русской природы художника Ромадина.

А рядом неприхотливый шкафчик с искусно выжженными на дверках изображениями памятных мест Ульяновска. На внутренней стороне дверки надпись: «Дорогому Владимиру Петровичу в день восьмидесятилетия от пионеров родины Ильича».

* Перевод с китайского А. Гитовича.

А вот книги самого Филатова: изданный к восьмидесятилетию академика труд «Мои пути в науке», переводы его работ на французский, английский, испанский, корейский языки.

На шкафу старенький офтальмоскоп, сильная лампа, пожелтевшая от времени таблица с буквами для определения остроты зрения.

В. П. Филатов беседует с врачами.

И, как итог приводимых ученым в порядок жизненных дел, страницы его покуда полностью не изданных воспоминаний.

Я бывал в этой комнате при жизни Владимира Петровича. Помню его не поддающееся старости, строгое волевое лицо, очки, стекла которых были вырезаны в виде двух полулуний.

Помню, как нередко среди серьезной беседы, вспомнив о чем-то интересном, Филатов преображался. В его взгляде поверх очков, оседлавших горбатый нос, появлялось почти мальчишеское озорство, любознательность, лукавство.

Несмотря на свою внешнюю замкнутость и суровость, Филатов был очень добр и внимателен к людям.

Я раскрываю первую страницу его воспоминаний и отчетливо представляю себе, почти слышу, как седобородый ученый в черной круглой шапочке, окруженный своими друзьями, читает: «Место моего рождения определяется восемью словами: селцо Михайловка, Протасовской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии.

В эпоху моего рождения — 1875 год — Михайловка представлялась довольно глухим углом России: она отстояла от железной дороги, проходившей через Пензу, в ста верстах, от Саранска — в двадцати пяти, от Симбирска — в двухстах...

Деревянное длинное одноэтажное здание серого цвета с железной зеленой крышей. Сад огромный, ягоды, вишенник, перед террасой — розы.

...Весною мы наполнялись соками жизни вместе с зелеными листочками берез, с душистыми почками тополей, с белыми и нежно-розовыми цветами яблонь и вишен, с желтеющими лютиками, лиловыми колокольчиками, с душистыми ландышами. Мы пили весенний березовый сок, мы заслушивались пением соловьев и малиновок, мы любовались золотыми иволгами».

Спокойно и неторопливо течет повествование. И невольно отдаешься плавному рассказу, поражаясь, как тонко и одухотворенно этот человек чувствовал природу, какие яркие краски для картин дорогой его сердцу юности находил уже на склоне своих лет.

Присущее ученому чувство прекрасного, любовь к Советской Отчизне, природе всегда играли огромную роль в его научных поисках и победах. Недаром он восторженно и благодарно писал: «Природа! Сколько раз ты брала мою душу на свои руки и качала ее в минуту детской радости и укачивала ее старую, больную в часы горя и страдания... Помнишь, как маленький Тютчев говорил самому себе, старику: «Старче, старче, разве ты не я? Ну и вспоминай меня по-детски, как можешь»...

Юный Володя Филатов был полон сил, веселья, жадной любви к жизни, но вряд ли даже в самых смелых затаенных мечтах мог догадываться о своем будущем.

Его отец, Петр Федорович Филатов, работал земским врачом. Он очень любил свое трудное дело. Не добившись ассигнований от земства, построил на личные, отнюдь не богатые средства маленькую больницу. В ней и работали вместе со своим братом Нилом Федоровичем,

ставшим впоследствии знаменитым детским врачом, одним из основателей педиатрии в России. От них к будущему ученому и перешла любовь к медицине, стремление облегчить страдания больных людей.

Но не только это. В семье Филатовых любили музыку, литературу, изобразительное искусство. В молодости отец Владимира Петровича учился живописи у художника Прянишникова. Бывал позднее вместе с сыном в картинных галереях, часами простаивая перед творениями Репина, Куинджи, Левитана, Крамского, Верещагина.

Но еще сильнее, чем к живописи, был привязан П. Ф. Филатов к ее первооснове — родной природе. В одном из стихотворений он писал:

Прекрасна степь, когда сияет
Над ней луч солнца золотой,
Когда все в неге засыпает
И всюду царствует покой,
Гром грянет по степи раздольной,
Померкнут в небе дия лучи.
Кто остановит ветер вольный?
Кто скажет грому: «Замолчи»?

В этой привязанности и любви Филатовых к природе и искусству, по-моему, — ключ к пониманию всей гуманистической деятельности прославившего отечественную науку Владимира Петровича Филатова.

Петр Федорович Филатов своим неустанным трудом снискал доверие и любовь окрестных крестьян. Его знали как отзывчивого, хорошего врача и за пределами Михайловки. К нему приезжали за помощью и из других районов, приглашали на консультации и в Саранск.

Будучи гласным земского собрания, он вел нелегкую, часто остававшуюся бесплодной, но упорную борьбу за увеличение ассигнований на народное образование и здравоохранение.

При земской больнице он основал на свои средства небольшую лабораторию, интересовался последними достижениями терапии и хирургии, тратил почти все свои деньги на научные журналы и книги, на проведение опытов.

Был у него жизненный девиз, заимствованный у славного голландского врача Ван Тульпа, поставившего на своем рабочем столе изображение наполовину сгоревшей свечи с надписью: «Светя другим — сгораю».

...Настал день, когда перед семьей встал неотложный вопрос о переезде в Симбирск. К этому было много причин. Детям, Володе и его брату, надо было учиться в гимназии. В Симбирске открылась в то время вакансия на должность городского врача земской больницы. Петру Федоровичу удалось получить это место.

А усадьба, о которой Владимир Петрович так поэтически рассказал в воспоминаниях, семье уже почти не принадлежала. «Как мне ни грустно,—заканчивает Филатов написанную в годы войны первую часть своих воспоминаний,— но настал момент вспомнить об одном госте, посещавшем Михайловку, о березниковском купце Антипине. Это Лопахин из «Вишневого сада» А. П. Чехова... В его образе пришла к нам неизбежная гибель Михайловки. Как туберкулез, поразивший молодой организм, делает медленно, но верно свое страшное дело, так и Михайловку подтачивали неправильные условия ее приобретения в форме долгов».

Вскоре после переезда в Симбирск городской врач Филатов познакомился с инспектором народных училищ Ильей Николаевичем Ульяновым. Когда в семье Ульяновых кто-либо заболел, приглашали Петра Федоровича.

Сыновья Филатова обучались в младших классах той же гимназии, где учился Владимир Ильич.

Детям подлюбилась Волга, Симбирск с его цветущими садами — подлинным раем для птицеловов, художников и всех, кто привязан к природе. Отец разъезжал с утра до ночи по городу, врачюя главным образом бедноту, мальчики учились.

В 1892 году семнадцатилетний Володя Филатов окончил гимназию.

В ту пору его дядя Нил Федорович уже возглавлял кафедру детских болезней в Московском университете. Ту же дорогу выбрал и Володя. Выбрал не только по традиции, а прежде всего по влечению собственного сердца.

Осенью 1892 года Владимир Филатов стал студентом медицинского факультета Московского университета.

В выборе специальности офтальмолога¹ решающую роль сыграл опыт отца. В Симбирской земской больнице

¹ Офтальмология — слово греческого происхождения. В переводе на русский буквально означает глаз + наука, то есть учение о глазных болезнях.

Петр Федорович работал в области хирургии и глазных болезней. Студент Володя, приезжая летом на каникулы, часто присутствовал на приемах отца, помогал ему во время операций. Он вплотную столкнулся с той трагедией, которую несет людям слепота.

У Владимира Петровича Филатова с юности было много достойных учителей. Он слушал лекции физика А. Г. Столетова и физиолога И. М. Сеченова; изучал гигиену по курсу Ф. Ф. Эрисмана, хирургию у Н. В. Склифасовского, минералогии у В. И. Вернадского. Уже тогда в нем проявился широкий круг интересов, который позволил ему позднее не замыкаться в одной проблеме и смело проникать в другие области врачевания. Но все было еще впереди. А сейчас он целеустремленно учился, стремился постигать теорию, овладевать практикой.

Вопросом пересадки роговицы, занявшей столь значительное место в дальнейшей научной деятельности В. П. Филатова, он заинтересовался впервые, еще будучи студентом.

В «Страницах воспоминаний» академик Филатов подробно рассказывает о том, что побудило его в юности заняться впервые пересадкой роговицы.

«В 1896 году на четвертом курсе медицинского факультета, изучая «Курс глазных болезней» профессора А. А. Крюкова, я обратил внимание на несколько строк, посвященных пересадке роговицы при бельмах как способу восстановления зрения.

Однажды, когда мы, по обычаю клиники, сидели после работы в лаборатории за общим чаепитием, кто-то из старших спросил меня, чем я думаю заняться по научной офтальмологии. «Пересадкой роговицы». Как сейчас помню изумление на лицах старших. «Ну что ж, попробуйте».

В 1907 году мой учитель профессор Головин дал мне однажды новую книжку «Офтальмологического архива», указав на статью Цирма с описанием первого случая успешной пересадки роговицы от человека к человеку. 28 февраля 1912 года я впервые произвел полную пересадку роговицы. Технически все шло как нельзя лучше. Но трансплантат помутнел. Больной ушел с чем пришел: пересаженная целиком роговица помутнела. Я все же придаю этому случаю огромное воспитательное значение.

Я сдвинулся с мертвой точки, произвел первую пересадку роговицы и поверил в свою технику»¹.

То, что Филатов излагает конспективно, охватывает целый значительный период его жизни. В 1897 году, после окончания Московского университета, Владимир Петрович был оставлен при факультете в должности ординатора. Через три года по рекомендации своего руководителя — видного русского офтальмолога Крюкова Филатов стал ординатором Московской глазной больницы.

Начало двадцатого века. Научные открытия, покорившие теперь весь мир, тогда намечались только первыми робкими опытами. А о науке, которая будет непосредственно служить идеям социального прогресса, всерьез, действительно мечтали только те, для кого стал знаменем «Коммунистический манифест», кто на тайных рабочих собраниях, студенческих сходках, в камерах царской тюрьмы и в сибирской ссылке пробивал дорогу будущему, и в частности поискам самобытного молодого ученого Филатова.

А сколько талантливых одиночек так и не находило в ту пору пути, гибло в мещанском болоте, спивалось подобно чеховскому доктору Астрову в пьесе «Дядя Ваня»!

Помните, Соня говорит о нем: «Он умный... Он все умеет... все может... Он и лечит и сажает лес». «Это талант,— добавляет Елена Андреевна.— Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить...» Но ничего не смог сделать в той рутине Астров. С горечью он говорит: «Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно,— те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы...»

Чеховская пьеса ударила по сердцам людей. Многих не удовлетворила мораль, высказанная в заключительном монологе Сони: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах. Будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба».

¹ Журнал «Советская Украина» № 3, 1949 год.

Думается, что под строками земского врача П. Куркина, пославшего А. П. Чехову письмо после премьеры, мог бы подписаться и Филатов: «Конечно, дело не в морали, которую формулирует Соня. Совсем наоборот!.. Дело, мне кажется, в трагизме этих людей, в трагизме этих будней, которые возвращаются теперь на свое место, возвращаются навсегда и навсегда сковывают этих людей. И дело еще в том, что огнем таланта здесь освещена жизнь и душа самых простых, самых обыкновенных людей».

Скитания из клиники в клинику. Работа в Москве, потом в провинции — так началась деятельность Филатова на медицинском поприще. В 1903 году он переехал в Одессу на должность ординатора.

«После трех лет ординатуры в Московской глазной больнице, где я напряженно вработывался в практическую офтальмологию, моя мечта переехала со мной в Одессу».

Эта мечта, которую Филатов привез вместе с собой в Одессу, не была несбыточной Синей птицей. Он искал пути к ее осуществлению, не останавливаясь перед препятствиями, углубляясь в отрасли медицины, казалось бы далекие от прежней темы, но всегда видя перед собою заветную цель, намеченную на много лет вперед.

Еще не полностью угадывая в пересадке роговицы ее огромное будущее, Филатов, по собственному его признанию, искал в ней радости изобретательства. Именно поэтому его и потянуло к наиболее трудному и никем не разрабатывавшемуся отделу проблемы, а именно — к пересадке роговицы целиком.

Но здесь, как уже было сказано, Филатова постигла неудача: роговица, пересаженная им в 1912 году, помутнела и «больной ушел с чем пришел».

Два года спустя Филатов снова проделал подобную же операцию и опять не добился положительных результатов. Наступил перерыв. На этот раз препятствие было очень велико: началась первая мировая война. Она изуродовала миллионы людей. По образному выражению Н. И. Пирогова, войны всегда вызывают страшную «травматическую эпидемию». Именно к этому времени относится второй крупный творческий поиск Филатова. Речь идет о методе, который известен теперь во всем мире как метод филатовского «круглого кожного стебля».

Первые опыты восстановительной хирургии относятся к глубокой древности. В посвященном академику Филатову очерке Е. Н. Стародубцевой приводится любопытная легенда о сыне фараона Сутаро. За три тысячелетия до нашей эры, сражаясь с ливийскими воинами, он получил непоправимое увечье: меч рассек его лицо, отсек нос. Жрец произвел в храме тайную операцию. Отделив со лба наследника лоскут кожи, он при помощи пересадки исправил физический дефект лица.

В книге индийского писателя и ученого Сушрута «Познание жизни», созданной за тысячу лет до нашей эры, описан вошедший в литературу под названием «индийского» способ пластической операции, при котором по соседству с пораженным местом отделяется частично кожный лоскут нужного размера. Место соединения, так называемая ножка, питает его. Когда лоскут, прибинтованный к месту дефекта, надежно приживляется, ножка становится ненужной, ее отрезают.

В XVI веке известный итальянский хирург Таглиакоччи разработал операцию, при которой животворный лоскут выкраивался не по соседству с физическим изъяном, а на руке. Затем руку прикрепляли к месту травмы, лоскут приживлялся, не нарушая его связи с рукой. Когда новая ткань заменяла недостающую и получала питание, ножка, идущая от руки, перерезалась и рука освобождалась.

Есть, наконец, и еще один способ пересадки. Его предложили французы и разработали немецкие специалисты. Он состоит в том, что кожа переносится на место повреждения без питающей ножки.

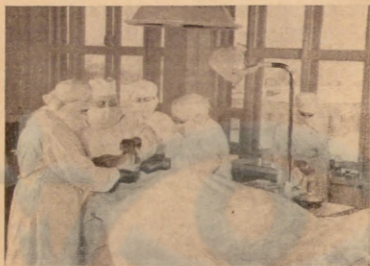
Следует сказать, что у каждого из этих методов пластической хирургии наряду с достоинствами имеются и существенные недостатки.

Индийский метод требует ряд дополнительных разрезов, что обезображивает лицо. К тому же лицо может быть повреждено так, что там трудно получить даже маленький кусочек целой кожи.

Большие неудобства для оперируемого создает и итальянский метод, при котором требуется держать руку длительное время в неестественном положении.

Французский же метод и вовсе малоэффективен — кожа часто не приживляется, а приживляясь, резко отличается по своему цвету.

В. П. Филатов пришел к своему методу в результате больничной практики. В своей работе «Пластические операции при помощи круглого стебля» он так рассказывает об этом: «Мне предстояло еще в начале 1914 года сделать пластическую операцию на лице молодого красивого пациента, у которого угол рта был оттянут в сторону безобразными рубцами (после ожога). Не желая производить пластику сдвигами соседних лоскутов, что могло

В операционной.

повести к нарушению косметики лица, я производил выбор между применением одного из двух способов (индийского метода). Мне были очевидны опасности того и другого способа. При пальпации шеи, в целях ориентировки и возможности взять ленту с шеи, я взял кожу в складку и в тот момент идея круглого стебля в совершенно отчетливом виде возникла у меня в форме яркой догадки. Таким образом, основой возникновения идеи круглого стебля послужил учет недостатков хирургической пластики, дотоле существовавшей...»

Но, разумеется, это не значит, что идея сразу же практически осуществилась. Для этого понадобился цикл опытов на животных в определенных условиях. Юноша,

о котором было рассказано выше, еще не мог быть прооперирован новым способом. Лишь спустя два года операция, произведенная методом круглого стебля принесла первый желанный успех.

У пожилого рабочего было поражено раковой опухолью нижнее веко. Для спасения его жизни вместе с опухолью следовало удалить почти все нижнее веко и часть кожи в области скулы. Владимир Петрович решил восстановить веко больного с помощью круглого кожного стебля.

Он не стал, как делали в таких случаях прежде, отделять ленту кожи во всю длину шеи. Обезболив оперируемую ткань новокаином, он собрал кожу в продольную складку и точным движением ножа прорезал ее, не отделяя ни сверху, ни снизу. Затем полоска была приподнята и края ее сшиты. Образованный из кожи круглый стебель, напомилавший трубочку, обоими своими концами был по-прежнему соединен с ключицей и шеей. Этим завершился первый этап операции. Стебель не омертвел: расположенные в нем крупные кровеносные сосуды отлично питали кожный лоскут, надежно предохраняли его от инфекции. Через две недели к жизнеспособному лоскуту кожи была подшита слизистая оболочка, срезанная с губы больного.

Так ученый готовил основу восстанавливаемого больного века. На пятые сутки после второй операции была назначена решающая, третья. Филатов волновался не меньше, чем сам больной.

Отделив от ключицы конец стебля, Филатов, формируя нижнее веко, уложил его на свежую рану, оставшуюся после удаления опухоли. Так родился полностью себя оправдавший новый метод пластики, ставший ныне классическим.

В дальнейшем Владимир Петрович коренным образом усовершенствовал его, упростив подготовку стебля, который можно готовить и далеко от места будущего приживления. «В этом случае,— говорил Филатов,— он подходил к дефекту, шагая через каждые две недели в направлении к последнему то одним, то другим концом, который вшивается в разрезы кожи, делаемые по пути его следования».

Таково было первое значительное научное достижение Филатова. Оно, как и последующие, возникло не из

сухой кабинетной теории, а из жизненной практики, из горячего желания облегчить страдания больного человека.

Ближайший сотрудник В. П. Филатова, Петр Митрофанович Курышкин, проработавший с ним много лет в области совершенствования метода круглого стебля, вспоминает о том, что, по мнению его учителя, составляло основу научного творчества¹. Филатов считал, что это творчество неотделимо от душевного волнения, сочувствия. Образно иллюстрируя свою мысль, Владимир Петрович подчеркивал, что, подобно тому как железные опилки под влиянием магнита занимают определенное положение, так и наши мысли приобретают необходимую острую направленность под влиянием сильного и живого переживания.

Неудачи не обескураживали его, первые успехи окрыляли.

Владимир Петрович отчетливо сознавал, что прогресс в науке — это не только открытие новых методов, но и внедрение их в жизнь, широкое распространение их. Но попытки широко применить новый метод восстановительной хирургии для лечения раненых солдат наталкивались на консерватизм большинства царских «генералов от медицины». Только Октябрьская революция дала возможность по-настоящему раскрыться редкостному таланту Филатова.

В ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЕ ПРЕКРАСНО!

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Эти чеховские слова вспоминались Филатову не раз в его благородной работе по «исправлению изъянов и несовершенств» человеческого тела и, в частности, глаз человека. «Более пятидесяти лет я занимаюсь борьбой с глазными болезнями, — говорил он. — За это время наука о болезнях органа зрения имела немало достижений как в практическом, так и в теоретическом отношениях. Больших успехов удалось добиться

¹ См. «Офтальмологический журнал» № 6, Медгиз УССР, 1956, стр. 328.

Институт

Имени академика В. П. Филатова

16549 г. Одесса

БИБЛИОТЕКА

и мне с моими сотрудниками, особенно со времени установления в нашем отечестве Советской власти»¹.

Потеря зрения — страшное несчастье для человека. Глаза помогают нам трудиться, раскрывают во всем богатстве и своеобразии прелесть окружающего мира.

Число слепых на земле очень велико. Парижская конференция по борьбе со слепотой в 1928 году установила ужасную цифру — шесть миллионов абсолютно слепых и пятнадцать миллионов — с большим процентом потери зрения. А ведь вторая мировая война, испепелившая тысячи городов и селений, несомненно, намного увеличила эти данные. В журнале «Курьер ЮНЕСКО» № 6 за 1960 год, целиком посвященном этой проблеме, приводится отчет, представленный Всемирному совету благосостояния слепых, по которому общее число людей, лишенных зрения, достигло девяти с половиной миллионов.

Отечественная офтальмология за годы Советской власти проделала замечательный путь. До Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране насчитывалось ничтожное количество окулистов — всего лишь около трехсот, то есть по одному на 500 тысяч человек. Работали они только в больших городах.

Так называемые «летучие глазные отряды» из врачей и медицинских сестер, отправлявшиеся на недолгий срок на периферию, не могли спасти положения. Полвека тому назад, по официальной статистике, в нашей стране на каждые десять тысяч человек населения насчитывался двадцать один слепой. Кем он был, этот человек с бельмами на глазах, постукивающий железной клюкой по камням: плогником, каменщиком, пахарем? Все равно, он никому не был нужен. Была ли то девушка, прекрасные глаза которой погубила оспа, все равно и ее ждала одна судьба — гусавить по ярмаркам и базарам, просить подаяние.

У большого могут быть абсолютно здоровые сетчатка и зрительный нерв, но бельмо, подобно плотному матовому стеклу, затрудняет ему видение мира; постоянное помутнение роговой оболочки глаза, наступившее в ре-

¹ Академик В. П. Филатов, Возвращение зрения, Изд. «Правда», 1950, стр. 3.

зультате повреждения или болезни, делает человека слепым. А ведь весь глаз, за исключением роговой оболочки, по-прежнему здоров.

Частичное или полное срезание помутневшей роговицы врачи пытались производить еще в прошлом. Рассказывают такой случай. Человек, мечтавший хоть на короткое время увидеть жену и детей, попросил хирурга прорезать окошечко в глазу. И он действительно увидел своих близких. Но это «свидание» продолжалось недолго. В глаз проникла инфекция, и больной опять окончательно ослеп.

Медицине известны факты, когда окулисты вставляли в прооперированные глаза стеклышки или же кусочки горного хрусталя. Но края раны загнивали, инородные тела из глаз выпадали.

Единственной реальной помощью людям, чьи глаза были повреждены бельмами, могла стать пересадка роговицы. При такой операции в отверстие, сделанное в бельме, вставляется диск прозрачной роговой оболочки. Эта идея зародилась давно. В течение почти ста лет врачи пытались использовать при операции глаза человека роговицы, взятые из глаз животных, не зная, что ткани животных и человека несовместимы.

Немецкий окулист Цирм, применивший в 1906 году для пересадки роговицу человеческого глаза, и пражский профессор Эльшниц, начавший работу в этой области в 1908 году, добились известных успехов.

Так, у Эльшница из проведенных им к 1931 году 206 операций тридцать одна дала стойкое приживание пересаженной роговицы.

Тридцать один успех за двадцать три года! А ведь нуждающихся в таких операциях сотни тысяч!

Об этом мучительно размышлял в первые годы Советской власти Владимир Петрович Филатов.

«Когда я окидываю мысленным взором все, что мне удалось сделать для разрешения проблемы пересадки роговицы, предо мной встают две стороны истории этой работы,— рассказывал академик.— Одна — внешняя, слагающаяся из объективного описания научных фактов, располагаемых в их временной и логической последовательности. Эта история, опубликованная в научных журналах, нужна как материал для тех, кто работает в области пересадки роговицы.

Другая история — чисто субъективная, психологическая, представляющая изображение моих личных переживаний на длинном пути исканий...»¹

Опыт всех предшественников Филатова показывал, что использовавшийся при операции хирургический инструмент — заводной, пружинный трепан Гиппеля (названный так по имени его изобретателя), не гарантирует хрусталик глаза от ранения. Он требовал от хирурга виртуозной ловкости, а она, как горько отмечал Филатов, достигалась ценой гибели глаза.

Кроме того, речь шла об уникальной виртуозности, а Филатов мечтал о массовом методе пересадки роговицы, который сыграл бы решающую роль для борьбы со слепотой при бельмах.

Тринадцать лет труда потратил хирург, прежде чем идея нового метода выкристаллизовалась в ясной форме.

Тринадцать лет поисков, тревог, огорчений...

«Первый же случай выполнения мною пересадки роговицы при помощи инструмента Гиппеля оказался полным драматизма, — вспоминал Владимир Петрович. — На единственном глазу больного (другой был слеп) во время операции был ранен хрусталик, а вслед за его удалением произошло выпадение стекловидного тела. Уложить трансплантат² в отверстие было очень трудно. Правда, это мне удалось, но сколько переживаний было и у больного и у меня...»

Владимир Петрович совместно со своим сотрудником Марцинковским предложил трепан новой конструкции, абсолютно безопасный для хрусталика и доступный каждому офтальмохирургу.

А между тем молва об искусном специалисте — исцелителе слепых в начале тридцатых годов уже шла по стране. В Одессу летели письма из Сибири, Белоруссии, с Кавказа, с Волги. Многие больные, не дожидаясь ответа, сами или с провожатыми приезжали в Одессу.

Тогда у Филатова для производства массовых операций не было еще материала. Случаи, при которых в клинике удаляют глаз со здоровой роговой оболочкой, крайне редки. Приходилось выкраивать из одной оболочки только что удаленного глаза трансплантат для

¹ В. П. Филатов, Страницы воспоминаний. «Советская Украина» № 3, 1949 год.

² Трансплантат — пересаженная ткань.

двух больных, ждавших, бывало, месяцами. А для того, чтобы спасти глаз, часто операцию необходимо было производить немедленно. Может быть, именно в такие горькие минуты раздумий Филатов и записал в тетради, рядом с черновиками научных выводов, вырвавшиеся из сердца строчки.

МОИМ УЧЕНИКАМ

Дети мрака, дети ночи,
Широко открывши очи,
Смотрят жадно на восход;
Ждут они в тоске и муке,
Ловят скорбно в каждом звуке
Дня незримого приход.
Не для них небес сиянье,
Воли играющих сверканье,
Трепет солнца на листьях,
Бег лучей в широкой степи,
Свет зари на горной цепи,
Нежный отсвет в облаках,
Кроткий свет сияний звездных,
Алый цвет знамен победных,
Мирной жизни майский день,
Ждите, верьте, дети ночи:
Будет миг, и ваши очи
Навсегда покинет тень!
Нет, не вечны тьмы оковы!
Кто-то юный слышит зовы,
Кто-то юный к вам придет,
Теплой жалостью согрета
Мысль его — сильнее света —
Мрак тяжелый разорвет!

О мысли, которая сильнее света, о великой эстафете знания, передаваемой старшим мастером своим исследователям, Владимир Петрович Филатов говорил и в прозаическом наставлении, обращенном к продолжателям своего славного жизненного дела.

«Я полагаю, что мои ученики, узнавшие мои мечты и думы, связанные с проблемой пересадки роговицы, ознакомившись с радостями и разочарованиями, с препятствиями, встречавшимися мне на пути, и с условиями, помогавшими мне, увидят, что пересадка роговицы, поскольку я ее двигал вперед, совершала свои шаги не в виде изящного танца на гладком паркете, а шагала, как и большинство научных проблем, по довольно тернистому

¹ Е. Н. Павловский. Поэзия, наука и ученые. Изд. АН СССР, 1958.

пути, который мне приходилось расчищать с большим напряжением воли и мысли... Рождение идеи — явление яркое, нередко подобное вспышке света; но этой вспышке предшествуют, как правило, длительные, многократные напряжения мысли, интереса и внимания, в результате создается то эмоциональное поле, на котором и возникает новая идея, догадка».

Ну, а дети тьмы, обездоленные слепотою люди, о которых с такою теплотой и сочувствием говорит в своем поэтическом обращении к ученикам Филатов, видят ли они, сперва хотя бы мысленно, ту искру света, которая может их повести за собой, вселить в отчаявшиеся души надежду? Видят! Советский врач не складывал оружия и продолжал неустанно бороться даже перед лицом тяжчайших заболеваний.

Так удалось ему достичь победы в борьбе со слепотой от бельма, где еще недавно признанные мировые авторитеты в области медицины считали удаchi счастливой случайностью.

Не примирился он и с пессимистическими выводами о невозможности плодотворного лечения таких заболеваний, как атрофия зрительного нерва, осложненная близорукость, пигментный ретинит. Не сдаваясь, не идя на компромисс, он призывал к себе в помощники самого больного.

Филатов недаром требовал от себя и от других: «Все средства науки для исцеления больного. Никогда не опускать рук и бороться до конца».

Но вернемся к одной из наиболее драматических страниц истории операции пересадки роговицы.

Итак, материала для производства операций в массовом масштабе в распоряжении Филатова не было. А число больных, стекающихся в глазную клинику, все прибывало.

Однажды на прием к профессору пришла женщина с девятилетним ребенком. Девочка потеряла зрение после дифтерии. Один глаз был безнадежен, второй затянуло бельмо.

Когда Владимир Петрович сказал матери больной, что операция наполовину возвратит ей зрение, но что сейчас он лишен такой возможности, так как нет материала, мать предложила взять ее глаз. Так велико было горе матери ослепшего ребенка. Филатов не мог согла-

ситься на это. Он принял девочку вне очереди, провел операцию... Но ведь другие ждали иногда по году.

Требовалось срочно найти выход из положения. И тогда Владимир Петрович решил обратиться к иному источнику трансплантационного материала, о котором он думал давно, — глазам умерших людей.

На приеме у академика.

В истории медицины до Филатова было записано несколько случаев таких пересадок. Но, как правило, роговица через короткое время мутнела, операция оказывалась безрезультатной.

Как-то, перелистывая старые научные журналы, Владимир Петрович натолкнулся на один интересный случай.

Французский офтальмолог Мажито готовился произвести больному пересадку роговицы. Для этого хирург должен был использовать роговицу глаза, удаленного в тот же день у другого пациента. Но по не зависящим от врача причинам больной не мог в тот день оперироваться. Ампутированный глаз был оставлен на холоде и только через несколько дней использован для операции. И вот чудо — эта роговица отлично прижилась, сохранив свою прозрачность и впоследствии.

Мысль Филатова заработала. То, что самому Мажито представлялось лишь удачным выходом из трудного положения, пригодным только в крайних, исключительных обстоятельствах, стало для Филатова недостающим звеном в логической цепи.

Он предложил применять пересадку трупной роговицы, предварительно выдержанной в течение одного-двух дней в холодильнике при температуре от двух до четырех градусов выше нуля. Гипотеза блестяще оправдалась.

В 1931 году В. П. Филатов произвел первую пересадку трупной роговицы, увенчавшуюся полным успехом. Но, как и всякое новшество, смелая идея Филатова не сразу получила признание. Были и у нее серьезные противники. Для встречи с ними Филатов в сопровождении четырех прооперированных им больных в январе 1933 года отправился в Москву для доклада в широкой медицинской аудитории. Но доклад докладом, а конкретная практика всего убедительнее.

В Московской глазной больнице в присутствии лучших окулистов столицы Филатов провел несколько показательных операций пересадки роговицы. С тех пор смелый метод, предложенный новатором-хирургом, правомочно вошел в жизнь.

Вскоре после этого Владимир Петрович сделал новое важное научное наблюдение. Проследивая итоги своего труда, Филатов неоднократно замечал: успешная пересадка роговицы приводила к тому, что и бельмо, к которому присоединялся пересаженный прозрачный кружок, вдруг начинало светлеть. По-видимому, новая ткань, присоединенная к старой, усиливала ее жизнедеятельность, так как в кусочке консервированной роговичной ткани, очевидно, имеются активные вещества, повышающие сопротивляемость, усиливающие восстановительные функции и в ткани, к которой он был подсажен.

«Общезвестно, что отделенные от организма ткани продолжают некоторое время оставаться живыми,— говорит Филатов в книге «Мои пути в науке»,— если условия их хранения (температурные и другие) не убивают их сразу. Но раз ткань, отделенная от организма и сохраненная на холоде, продолжает жить, то приходится допустить, что она биохимически перестраивается и в ней образуются какие-то вещества, которые стимулируют,

при неблагоприятных условиях среды, жизненные процессы в этой ткани. Эти вещества я впоследствии назвал *биогенными стимуляторами*, по происхождению их из живой ткани. Введенные тем или иным способом в больной организм, биогенные стимуляторы усиливают в нем жизненные реакции, что и ведет к выздоровлению».

В 1933 году Филатов опубликовал данные о введении в организм больного тканевого материала с *лечебной* целью. Этот год и следует считать годом рождения тканевой терапии.

Ученый убедился, что биогенные стимуляторы вырабатываются не только в ткани роговицы. Оправдалось выдвинутое В. П. Филатовым предположение о выработке стимулирующих веществ и в живых частях растений, например в листьях, отделенных от организма и хранящихся в темноте. Ведь для того, чтобы зеленый лист полноценно жил, необходима работа хлорофилла и солнечного луча. И вот сохранявшиеся в темноте колючие мясистые листья столетника (алоэ), а также других растений обнаружили при произведенных Филатовым и его учениками лабораторных исследованиях более сильное стимулирующее действие, чем листья свежие.

В часы размышлений Филатову невольно, как это бывало с ученым не раз, приходили на память строки, словно подтверждавшие его смелые догадки.

Влюбленный в природу, он про себя повторял:

...Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрянце и в золоте одетые леса,
В их сених ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

Уже в годы войны в письме к своему другу В. В. Ковальскому Филатов сделал следующее любопытное признание: «Новые идеи о происхождении факторов «консервации», или, как их лучше называть, «веществ сопротивления», родились у меня благодаря наблюдению красоты осени.

В Пятигорске на докладе я в качестве концовки читал стихи Пушкина («Осень») и говорил о том, что если Пушкину бросилась в глаза красота увядающей при-

роды, то нам, ученым, нельзя не восторгаться процессом возникновения стимуляторов в увядающих листьях».

Вновь проникаем мы в творческую лабораторию ученого и убеждаемся, что точный анализ и смелая фантазия у него не противоречат друг другу, они едины, и это единство двигает теорию и практику вперед.

— Фантазия — это не унизительное слово, — говорил Владимир Петрович молодым врачам. — Фантазия — это начало науки, изобретений, искусства. Желание летать по воздуху превращается в творчество образов, формируется фантазией в еще несбыточные, но мыслимые способы овладеть воздухом; рождаются образы Икара и Дедала, ковра-самолета. Но для того, чтобы обосновать свою выдумку, добиться точно научного успеха, мало фантазии, недостаточно даже ума, знаний, настойчивости: нужна неистовая, всепоглощающая страсть. Только она может привести все эти свойства человеческого характера в действие, может при колоссальном напряжении решить поставленную задачу.

Филатов действовал не один. Он сумел воспитать, сплотить вокруг себя талантливый творческий коллектив. Ближайшие его сотрудники — В. А. Бибер, В. В. Скородинская и многие другие вошли вместе с ним в мир естественной биохимической перестройки природы, стали отыскивать целебные биогенные стимуляторы везде, где тысячелетиями длилась борьба живых организмов за существование.

Особо следует здесь подчеркнуть значительные заслуги в разработке теории и практического применения тканевой терапии, принадлежащие научному работнику, ближайшему сотруднику и преданному другу В. П. Филатова — его жене Варваре Васильевне Скородинской.

Человек, начавший свою работу в области врачевания медицинской сестрой и ставший впоследствии заведующей клиническим отделением института, В. В. Скородинская была посвящена во все научные замыслы В. П. Филатова, неутомимо способствовала их осуществлению.

Испытание тканевых препаратов в лаборатории, а потом в клинике, первичная разработка их технологии, постановка многочисленных опытов по изучению свойств и действий биогенных стимуляторов — во всем этом проявилась неутомимая энергия В. В. Скородинской, ее аналитический ум, практический опыт.

Филатов установил, что для исцеления ряда болезней возможно пользоваться любой тканью человека или животного, сохраненной на холоде в течение нескольких суток. При этом ткань, способная давать биогенные стимуляторы, может быть введена в организм вовсе не вблизи очага болезни. Тем более по своему строению такая ткань не должна обязательно совпадать с тканью, пораженной болезнью.

Естественно, что Филатов — выдающийся офтальмолог — применил лечение биогенными стимуляторами прежде всего в своей области. Уже первые результаты были ободряющими, а для многих — и неожиданными: тканевая терапия помогла лечению ряда глазных заболеваний, которые до того считались не поддающимися врачебному вмешательству.

В дальнейшем применение биогенных стимуляторов оказалось действенным и при лечении волчанки, бронхиальной астмы, пендинской язвы, воспалительных заболеваний периферической нервной системы и некоторых других болезней.

Филатов не открыл панацеи, чудесного средства от всех на свете недугов. Но он и его последователи твердо понимали: тканевая терапия приносит пользу потому, что она влияет на организм в целом, повышает его физиологические функции. Она активизирует центральную нервную систему, командный пункт всех происходящих в организме процессов.

Гипотеза тканевой терапии, или учения о биогенных стимуляторах, была сформулирована и опубликована Филатовым позднее, в 1942 году, после того, как он и его последователи доказали тысячами наблюдений при различных заболеваниях человека (и животных) их объективную ценность.

Возглавляемая академиком Филатовым Одесская офтальмологическая школа стремилась закрепить свои научные достижения неутомимой практической работой.

У Филатова было во врачебной среде немало противников. Огромный коэффициент полезного действия тканевой терапии вызывал у них скептицизм, недоверие. Руководимому Филатовым коллективу понадобилось свыше десяти лет напряженной работы, прежде чем тканевая терапия получила законные права гражданства.

Своим противникам, порою просто недостаточно знакомым с фактами учения о биогенных стимуляторах, Филатов убежденно отвечал: «Тканевая терапия вполне согласуется с замечательным положением русской медицины о ведущей и определяющей роли самого организма больного, его реактивности в течении и исходе любого заболевания, положением, развитым С. П. Боткиным, И. М. Сеченовым и И. П. Павловым.

...Мы знаем, что, по учению академика И. П. Павлова, ни один процесс в организме не совершается без участия нервной системы, и в первую очередь высших ее отделов. Нервная система играет при лечении биогенными стимуляторами такую же руководящую роль, какую она выполняет при других видах лечения организма»¹.

Так уже при самом своем зарождении смелое открытие Филатова сразу же перешагнуло границы офтальмологии. Один за другим из разных клиник Одесского медицинского института поступали в ведение профессора Филатова тяжелые больные.

Перелистаем несколько историй болезней...

Больная, бухгалтер треста, легла в клинику с открытой формой туберкулеза легких и с туберкулезом гортани. 11 ноября 1937 года врач Скородинская под руководством Филатова сделала больной первую пересадку консервированной кожи. Она добилась того, что язвы на гортани стали заживать, больная начала без страданий принимать пищу. За первой пересадкой последовали еще четыре. Через полгода в этом, по всем предварительным данным безнадежном, случае удалось добиться перелома. У больной уменьшился кашель, понизилась температура, биогенные стимуляторы вызвали в организме силы противодействия. Теперь с возбудителями туберкулеза можно уже было бороться обычным лечением...

В кожную клинику обратился за помощью инженер, который свыше десяти лет страдал волчанкой левой щеки. Это болезнь туберкулезного происхождения, обезображивающая лицо, приносящая физическое и нравственное страдание. Волчанка слабо поддается лечению. Даже в случае частичного успеха на лице остаются рубцы.

По совету Филатова и в этом случае было применено тканевое лечение. Произошло буквально чудо: язвы за-

¹ В. П. Филатов, Мои пути в науке, стр. 63—65.

жили, кожа приобрела нормальную окраску, к человеку вернулись жизнерадостность, энергия. В этом, так же как и в других случаях, врачи продолжали наблюдать за состоянием больного. Миновало пять лет, семь, восемь. Болезнь ушла безвозвратно!..

Очень интересный случай был продемонстрирован Филатовым в Украинской академии наук в 1938 году. В клинике лежал маляр. Ему обожгло паром руки, рубцы покрывали сплошь кисти, не давали разогнуться пальцам.

Филатов решил испытать силу тканевой терапии в рассасывании рубцов. Достаточно было трехнедельного курса лечения, и благодарный пациент мог пожать своему врачу руку, а через некоторое время он работал малярной кистью так же искусно, как и до происшедшего с ним несчастья.

Девять лет мучила авиационного инженера бронхиальная астма. Приступы удушья, нередко по нескольку раз в день, доводили человека до полуинвалидности. Чем только его не лечили! И электризация, и впрыскивания адреналина, и прижигание носовой полости. Иногда это помогало, а чаще всего не влияло на течение изнуряющей болезни. Тогда в 1933 году ему сделали по методу Филатова первую подсадку. Приступы не прекратились, но резко сократились. За полгода было всего два. Подсадку повторили. В следующем году приступов не было совсем. Вначале инженер регулярно писал врачу, а потом, почувствовав себя практически здоровым, поблагодарил за оказанную помощь и перестал посылать отчеты...

С самого начала тканевая терапия приносила отрадные результаты. Но все же дело это было совсем новое. Зато вести о достижениях с пересадкой роговицы разнеслись по всему Союзу.

Еще осенью 1935 года коллектив рабочих завода имени Январского восстания, поддержанный одесскими партийными и советскими организациями, обратился в Совнарком республики с просьбой о создании специального научно-исследовательского Офтальмологического института. С подобным же предложением вошла в Совнарком республики и Академия наук УССР. Вскоре решение состоялось. Директором вновь организованного института был утвержден заслуженный деятель науки профессор В. П. Филатов.

На первых порах у института не было своего помещения. Два года он просуществовал на базе второй клинической больницы в небольшом двухэтажном корпусе на Красной Слободке. В первом стационаре института имелось пятьдесят коек, позднее число их увеличилось вдвое. А между тем поток больных, стремившихся прооперироваться у Филатова, и врачей, желавших заниматься научной работой под его руководством, все нарастал.

Я помню рассказ Владимира Петровича о том, как он искал место для строительства здания института. Искали долго. Наконец остановились на участке в районе Пролетарского бульвара. У этого участка, вспоминал Филатов, было много преимуществ, в том числе и близость к вокзалу (хотя формально он находится за городом — в курортной зоне Одессы), чтобы приезжие больные могли сравнительно легко добраться до института.

— А еще одним доводом для окончательного выбора места послужило то, — добавил Филатов, — что участок расположен над морем. Из окон своих палат люди, которым мы возвратим зрение, смогут любоваться красотой, которой они были лишены...

Летом 1939 года строительство трехэтажного основного корпуса и ряда подсобных зданий Украинского института экспериментальной офтальмологии было завершено. Еще не весь строительный мусор увезли с территории, а светлые, просторные, удобные палаты уже были заселены больными. В оборудованных по последнему слову техники врачебных кабинетах завязывались прочные нити дружеского участия, стремления избавить человека от болезни.

Главным лозунгом института стало: «Не клиника для лабораторий, а лаборатории для клиники». Ведь краеугольным камнем здесь было внимание к человеку!

В 1940 году амбулатория приняла 57 400 человек. 1140 больных прошли через стационар. Было проделано 1560 глазных операций.

Каждый день в периферический отдел института почтальон приносил кипы писем и телеграмм с просьбами принять на лечение. Становилось очевидным, что и при своей возросшей пропускной способности институт не в состоянии удовлетворить всех, стремящихся сюда. Для того чтобы оказать помощь врачебным кадрам и обеспе-

чить квалифицированную помощь на местах, при институте были основаны курсы. Сюда для практического ознакомления с пересадкой роговицы, методами тканевой терапии и другими важными вопросами офтальмологии со всех концов Советского Союза приезжали врачи. Вначале они присутствовали, ассистировали на операциях, а потом под руководством Филатова и старших научных сотрудников проводили операции сами. По окончании курсов врачи, в большинстве имевшие в своем распоряжении стационары с достаточным количеством коек, снабжались полным комплектом разработанных институтом новых хирургических инструментов для пересадки роговицы.

В Москве, Самарканде, Вологде, Курске, Калинин, Запорожье, Херсоне, Шуе и Старобельске в начале сороковых годов производились операции пересадки роговицы по методу Филатова.

В эти же годы в институте развернулась большая работа по борьбе с глаукомой, которую в народе называют «зеленой водой». Основное проявление этой страшной болезни — повышение внутриглазного давления. Оно приводит к расстройству кровообращения и, в конечном итоге, к слепоте.

Как известно, глаз человека наполнен жидкими и полужидкими средами — водянистой влагой и стекловидным телом. К их давлению на стенки глаза присоединяется и часть давления крови в сосудах внутриглазных оболочек. У здоровых людей внутриглазное давление колеблется в весьма незначительных пределах.

Значительные колебания внутриглазного давления, наблюдаемые при глаукоме, ведут к нарушению кровообращения, к тяжкому заболеванию глаза. Ему сопутствуют многие другие патологические изменения, приводящие к слепоте.

Для раннего обнаружения этой коварной и грозной болезни В. П. Филатов совместно с профессором С. Ф. Кальфой, используя опыт русского врача прошлого века А. Н. Маклакова, применили новый прибор — тонометр, отличающийся большой чуткостью.

Теперь этот прибор превратился в серию измерительных приборов, при помощи которых изменение глазного давления стало проверяться возрастающими грузами. «Этот метод, — рассказывает С. Ф. Кальфа, — дал возмож-

ность не только своевременно ставить диагноз глаукомы, но и глубоко изучать наиболее существенное в ее возникновении — причину повышения внутриглазного давления, выяснять, как влияет лечение, необходима ли операция».

Очень важно захватить глаукому вовремя, в ее начальном периоде. Она подкрадывается незаметно, без болей. Основанный при глазной клинике глаукомный диспансер ставил своей задачей своевременное распознавание болезни. В тех случаях, когда терапия не могла уже привести к регуляции внутриглазного давления, Филатов и его школа выступали убежденными сторонниками немедленного хирургического вмешательства.

Инициатива Филатова и руководимого им института была подхвачена многими. Глаукомотозные диспансеры возникли в Москве, Куйбышеве, Днепропетровске и других городах Советского Союза.

Росли заслуги ученого перед народом, росла и его популярность. В 1936 году Владимир Петрович был избран депутатом Одесского городского Совета, а в 1939 году — депутатом Верховного Совета УССР. Повседневные заботы о нуждах трудящихся, В. П. Филатов отдавал много сил выполнению своего депутатского долга. Владимир Петрович приезжал в школы, выступал на родительских и пионерских собраниях.

Ничто не казалось ему мелочью на этом важном поприще. Он предостерегал детей от опасных игр, приводящих к увечью, призывал их к правильному физическому воспитанию.

«Сердце обливается кровью, — говорил он, — когда приходится видеть детей, ставших инвалидами или слепцами на заре своей жизни.

Вот школьник, которому товарищ выколол глаз ручкой для письма: глаз пришлось удалить.

Какой вред причиняют нередко такие опасные детские «развлечения», как игра «в цурку», стрельба из рогатки! Против них должны бороться без устали и мы, окулисты, своими беседами в школах, и учителя, и родители своим надзором, и милиция, и горсоветы...»

Трудно даже перечислить все благотворные начинания, проблемы, которые ставил и во многом уже решал возглавляемый В. П. Филатовым институт. Его мирную, гуманистическую работу нарушила война. Нарушила, но не смогла приостановить!

ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА!

В июле 1941 года Владимир Петрович Филатов вместе с небольшой группой сотрудников выехал из осажденной Одессы в Пятигорск. Это были преимущественно люди старшего поколения. Молодежь и средний по возрасту врачебный состав ушли на фронт.

Филатову и его сотрудникам — профессорам Кальфа, Исаченко был памятен грозный опыт первой мировой войны, принесшей людям неисчислимые страдания.

И вот снова война. Еще до ее начала на территории нашей Родины Одесская глазная клиника встретила со зловещими делами фашизма. Было это в дни, когда со страниц газет не сходили тревожные заголовки «На фронтах Испании». Тогда в Одессу прибыли пароходы со спасенными из-под бомбежек детьми республиканцев, с тяжелоранеными. Был среди них молодой баск, дважды раненный в глаза под Мадридом. Белый бинт резко выделялся на его загорелом лице. Левый глаз юноши закрыла катаракта. Предстояла сложная операция. Тогда, в тридцатых годах, Семену Федоровичу Кальфа, позднее ставшему в институте заместителем Филатова по научной части, удалось сконструировать и ввести в практику постоянный магнит для извлечения из глаз посторонних тел. Электромагниты, применяемые при таких операциях, в военно-полевых условиях, иногда и в городских при отсутствии электроток выбывают из строя.

С. Ф. Кальфа и Б. С. Бродский, по совету академика Б. А. Кикоина, усилили действие постоянного магнита, применив для этой цели железо с примесью алюминия. Прежде чем извлечь осколок из глаза, надо точно определить его местоположение. Ведь магнит сам не извлекает осколок, он служит только орудием в опытных руках врача.

Республиканский боец глубоко доверял советским специалистам.

— У нас есть песня,— сказал он Филатову и Кальфа через переводчика.— В ней воспевается девушка, провожающая любимого на фронт. Она говорит: я буду тебя любить победителем или убитым. А трусом — никогда. И у меня в Испании осталась девушка. Только она не испанка, а француженка, боец Интернациональной бригады. Она вынесла меня раненого с поля боя...

С. Ф. Кальфа отлично провел операцию. Катаракта была удалена, осколок извлечен. Зрение в этом глазу восстановилось полностью...

Фашисты сразу начали бомбить Одессу. На базе института был развернут большой военный госпиталь, которым остался руководить доцент В. Е. Шевалев.

А в Пятигорске обстановка тоже была боевой. Вскоре при одном из госпиталей были организованы два больших глазных отделения с хорошими операционными. Магнит для извлечения осколков из глаз у раненых бойцов, получение материала для тканевой терапии и операций по пересадке роговицы — все эти неотложные дела обступали Филатова, не оставляли его почти ни на минуту с самим собой. Это было даже лучше: слишком большое горе лежало у него тогда на душе, слишком остро переносил он нерадостные вести с фронтов, разлуку с любимой Одессой. Он работал, не зная отдыха. Осенью 1941 года в Пятигорске Филатов впервые применил в области тканевой терапии наряду с выдержанными в неблагоприятных условиях тканями животного происхождения и консервированные на холоде растительные ткани.

16 октября 1941 года была оставлена Одесса. Старый врач не согнулся под ударом этой вести. Работоспособность его в эти дни даже возросла. Гневный протест хирурга-исцелителя заставлял его еще более метко сражаться своим оружием.

Круглый стебель, пересадка роговицы, тканевая терапия — все, чему посвятил он свою жизнь, все, что выпестовал неустанным трудом, шло теперь в наступление!

В Пятигорске Владимир Петрович Филатов похоронил своего близкого друга профессора Николая Николаевича Исаченко.

Холодный декабрьский ветер с гор касался непокрытой головы Филатова. Глуховато, негромко он читал:

Я вижу над твоей могилой
Парень вольного орла.
Вот так и мысль твоя парила
И, как орел, вольна была.

Мысль Филатова тоже парила высоко, свободно. Даже в дни самых тяжелых испытаний, выпавших на

долю нашей страны и ее народа, ученый был собран душой, непоколебимо верил в победу.

После пятимесячного пребывания в Пятигорске Филатов и его сотрудники были переведены в Ташкент. Здесь на базе эвакуогоспиталя был восстановлен в сокращенном объеме Украинский институт глазных болезней. И снова потянулись дни и ночи бессонного труда, борьбы за каждую жизнь, за каждый живой зрачок, стремящийся увидеть огни победы!

Лора Альбертовна Малюга, давний сотрудник института, рассказывает:

— Это было вскоре после победы под Сталинградом. К нам доставили бойцов, получивших глазные ранения, преимущественно безнадежных.

Владимир Петрович осматривал решительно всех. Я следила за его лицом, внешне бесстрастным, и чувствовала, как он волновался. Ведь он был как бы судьей: одному давал надежду, у другого вынужден был эту надежду отнять. Но он умел сделать это так, чтобы не ввергнуть человека в отчаяние. И вот на пороге появился боец. Стены мрачной, окрашенной в темную краску комнаты стали как будто еще чернее. У него не было рук, вместо глаз зияли дыры. Он был широкоплеч, высок, в поступи его — твердой, мужской — жила надежда.

— Голубчик, — сказал ему негромко Филатов. — Вы знаете, что ваше положение очень тяжелое. Но наука идет вперед. Сегодня мы вам еще не можем помочь. Пройдет время, пусть долгое время, и если не я, то другие смогут прийти к вам на помощь.

Звонким молодым голосом раненый спросил.

— Профессор, а видеть я буду?

В комнате стало тихо. Филатов молчал. И в этой тишине было слышно, как боец тяжело вздохнул.

Филатов сказал санитарке: «Маша, проводите больного». Человек выпрямился, чувствуя прикосновение поддерживающей его руки, шагнул к двери и вдруг неожиданно громко запел:

Ночка темна,
Я боюся,
Проводи
Меня, Маруся!

Из приемной Филатов направился в операционную. Прооперированному ранее солдату надо было удалить

ленту конъюнктивы¹. Теперь, когда пересаженная роговица срослась с отверстием глаза, лента была не нужна. Стол был застлан свежими белыми простынями. Филатов быстрым, уверенным движением удалил ленту. Больной поднял к лицу руку и в восторге произнес: «Вижу! Два!» Он показал нам два своих пальца. Владимир Петрович высоко поднял плечи и, радостно взглянув на того, кому он возвратил зрение, вышел из операционной.

— Вот как мне запомнились два события одного только дня,— закончила Лора Альбертовна.— А ведь таких дней и таких событий было множество!

Безграничное горе и великая радость. Чередование двух чувств, двух враждующих между собой контрастов, было постоянным спутником Филатова. И часто, особенно в военные годы, ему приходилось скорбно говорить: «Нет, помочь не могу!» Он знал, что имеет дело с мужественными людьми. И те, с которыми он так говорил, знали, что это так, чувствовали, что всем сердцем хирург разделяет их муки...

Осенью 1941 года саперная рота, которой командовал лейтенант Александр Зотов, готовила в районе Подмосковья минные ловушки фашистским танкам. Вражеский снаряд подорвал мину; у Зотова были тяжело повреждены обе руки, уничтожено зрение.

— Кем вы были до войны? — спросил Зотова Филатов.

— Архитектором — ответил тот.

— Пожалуй, вам придется переменить профессию,— сказал, помолчав, врач.

— Нет, я не буду этого делать,— решительно заявил слепой архитектор.

И человек в темных очках начал новую жизнь. Он тренировал память, работал над проектами день и ночь. И добился своего. В 1943 году, участвуя в конкурсе на создание проекта жилого дома для рабочих и специалистов Узбекского металлургического завода, он завоевал первую премию. Боец остался в строю. После войны он вместе с другом Анатолием Беловым работал над проектом города шелка — Маргелана, участвовал в коллек-

¹ Для того чтобы пересаженный кусочек роговицы не выпадал из отверстия, вырезанного трепаном, В. П. Филатов предложил временно укреплять его конъюнктивной лентой, вырезанной из слизистой оболочки глаза больного.

тивном труде — генеральном проекте реконструкции столицы Узбекистана.

Если вам доведется побывать в предгорьях Кураминского хребта, в новом промышленном центре узбекских шахтеров и энергетиков Большом Ангрене, знайте: его воздвигал творческий коллектив во главе с Александром Зотовым...

Никогда еще, кажется, мысль ученого не работала столь интенсивно, как в военные годы. Он словно бы выполнял завет «Светя другим — сгораю».

Одно из любимых научных детищ Филатова — круглый стебель — служило ему верную службу. Оказалось, что он обладал такими универсальными преимуществами, какие не мог дать хирургам ни один из существовавших до него методов пластики. Филатовский стебель широко применялся хирургами на фронте. Они писали Владимиру Петровичу, что, используя стебель, при помощи комбинированной пластики восстанавливали нос, ушную раковину, губы, щеки, подбородок и даже язык. Владимира Петровича благодарили, к нему обращались за советами.

Проникнутый заботой о раненых защитниках Родины, В. П. Филатов, занятый проблемами тканевой терапии и пересадки роговой оболочки, вновь возвращается к вопросам «стеблевой» хирургии. Он издал в годы войны книгу «Круглый стебель в офтальмологии», расширив показания к применению этого метода, дав подробные схемы различных операций, указав принципы комбинированной пластики век и других частей лица, предложив различные варианты пластики глазницы. Филатов особо подчеркивал, что условия военного времени требуют от врачей не только знания установленных канонов восстановительной хирургии, но и большой изобретательности, находчивости, творчества.

Замечательно по своему необычайно широкому кругу зору и смелости гуманистической мысли то обобщенное понимание науки, ее места в комплексе исцеляющих методов и средств, которое дает Филатов в этой своей книге.

Издавая ее в разгар войны, Филатов, подобно архитектору, чертившему под бомбами в осажденном Ленинграде планы восстановления города, предвидел служение человеку в годы мира.

Владимир Петрович завершал итоговый труд словами: «Как автор круглого стебля, я посвящаю мой метод восстановительной хирургии, испытанный и усовершенствованный советскими хирургами на протяжении 25 лет, нашей славной, героической Красной Армии».

В эти же военные годы Филатовым были на огромном практическом опыте созданы предпосылки для обоснования гипотезы тканевой терапии. В Ташкенте Владимир Петрович с успехом внедрил тканевую терапию в практику военных госпиталей. Им и его сотрудниками были собраны сотни обнадеживающих наблюдений тканевого лечения последствий боевых травм. Их сотни. Приведем некоторые из них.

...Боец, получивший на фронте тяжелое ранение черепа, был доставлен в госпиталь с диагнозом: атрофия зрительных нервов, острота зрения на обоих глазах равна нулю. Больной, по всем объективным показателям, был абсолютно безнадежным. Однако после тканевого лечения острота зрения повысилась до 0,06—0,07 и сохранилась такой в течение трехлетнего срока наблюдения. Практически это означало, что человеку, пусть в минимальной степени, возвращена возможность видеть окружающий мир.

Еще более разительные результаты были получены во время лечения девушки-бойца, поступившей в госпиталь через семь месяцев после контузии. Правый глаз ее ничего не видел, на левом было слабое светоощущение. Полтора года, курс за курсом проводили ей тканевое лечение. В итоге зрение правого глаза поднялось от нуля до семи сотых, левого — до трех десятых.

Достижения филатовской школы завоевывали все больше последователей. Однажды врач, активно настроенный против тканевой терапии, работавший вместе с Филатовым в госпитале, спросил его:

— Удивительно, почему в вашем госпитале при огромном количестве внутриглазных операций совершенно не бывает нагноений?

Владимир Петрович миролюбиво ответил:

— Я вижу, что в лечебном учреждении, в котором вы раньше работали, привыкли встречать эти осложнения. Мы же, как вы убедились, не делаем ни одной операции со вскрытием глаза, не подготовив больного

предварительно тканевой терапией. Выходит, что вы совершенно напрасно боретесь против тканевой терапии.

Довод оказался веским. Позднее врач, внимательно изучив тканевую терапию, стал ее горячим приверженцем.

Даже в тех случаях военного травматизма, когда глаза, закрытые бельмами, при рубцевом поражении век, глазных путей, помутнении хрусталика не давали благоприятных условий для пересадок роговицы, тканевая терапия помогала создать их.

Филатов никогда не отделял разрабатываемый им раздел науки от смежных областей знания. В Ташкенте он провел ряд совместных опытов с биологами профессорами Е. П. Коровиным, П. А. Барановым, с биохимиком профессором Средне-Азиатского университета А. В. Благовещенским. На Узбекской ветеринарной станции была создана база для экспериментальных наблюдений, в Ташкенте организованы две лаборатории по изготовлению тканевых препаратов.

В те годы, опираясь на филатовское учение о биогенных стимуляторах, профессор Благовещенский изучал эволюционный процесс растений. Наблюдая произрастающие в трудных условиях Памира растения с их высокой сопротивляемостью и жизнестойкостью, Благовещенский пришел к выводу, что биогенные стимуляторы являются мощным фактором естественного отбора у растений. Так, учеными лабораторным путем было установлено, что в подвергающихся влиянию темноты и холода листьях алоэ появляются яблочная и винная кислоты. Так были намечены предпосылки изучения химической природы биогенных стимуляторов.

Суммируя достижения своей школы и сотрудничавших с ним ученых, Владимир Петрович отнюдь не считал, что в теории биогенных стимуляторов им сказано уже последнее слово. Более того, даже в своем завершающем труде «Мои пути в науке» он называл этот свой вклад в науку гипотезой, предположением.

«В дальнейшем она либо перейдет в теорию, закрепляя каждый свой шаг, либо послужит мишенью для научной критики и, при обоснованности последней, уступит свое место другой гипотезе, но и в этом случае она сыграет существенную роль в развитии объяснения фак-

тов, лежащих в основе ее, фактов, совершенно непоколебимых»¹.

Наука для Филатова была не сухой догмой, а вечно зеленым, цветущим деревом знаний.

И в годы войны, чередуя свою активнейшую практическую работу на благо дела победы с опытами, он заглядывал далеко в будущее.

В своих многочисленных письмах к ученикам и последователям, написанных в годы Отечественной войны, ученый делится опытом, дает наставления, интересуется тем, как служат достижения школы делу победы.

Он пишет своей бывшей сотруднице в медсанбат: «Я не устану повторять, что наука, вернее, научные искания никогда не надоедают и не изменяют нам...»

Военный период жизни В. П. Филатова был исключительно плодотворен и плодотворен. Форпосты его школы находились не только в Ташкенте, но и во всех фронтовых госпиталях и лечебных учреждениях, где работали его ученики и последователи.

Особенно добрая память осталась о коллективе врачей, возглавляемых Филатовым, в республиках Средней Азии, где на протяжении всей войны ими проводилась упорная, давшая отличные результаты борьба с трахомой...

Апрельским вечером 1944 года сотрудники госпиталя собрались на Уездной в доме 18, где жил тогда В. П. Филатов. Радио только что сообщило о том, что советские войска освободили Одессу. Люди пришли с этой радостью к своему учителю и не стеснялись слез. А через месяц, в мае 1944 года, Украинский институт глазных болезней начал подготовку к эвакуации. Вскоре город на Черном море встречал своих врачей.

ВИЖУ!

Среди сигнальных флагов, служащих для передачи сообщения с одного корабля на другой, существует один, означающий: «Ясно вижу!» Сотрудники филатовского института, работающего в портовой Одессе, говорят, что это самый близкий их сердцам сигнал.

¹ В. П. Филатов, Мои пути в науке, стр. 67.

Нет для врача-офтальмолога большей радости, чем тот миг, когда больной, с глаз которого после операции снята повязка, произносит прекрасное слово: «Вижу!»

Ради этого стоит забывать про отдых, про свой возраст (даже если он уже давно именуется преклонным), с утра до позднего вечера не покидать институт, мучи-

Украинский научно-исследовательский экспериментальный институт глазных болезней и тканевой терапии имени академика Филатова.

тельно еще и еще раз обдумывать пути к спасению глаз каждого больного, взвешивать все шансы «за» и «против», верить в успех и заставлять других проникнуться этой верой.

Итак, институт снова в Одессе. Филатов сразу же поставил вопрос не только о его восстановлении в полном объеме, но и о расширении пропускных возможностей, об открытии новых отделений института.

Подобно тому как возмужавший на фронте юноша-боец вырастает из одежды, оставленной дома, так и институту стало тесно в старых зданиях.

При помощи партийных и советских организаций, активно поддержанный Никитой Сергеевичем Хрущевым, работавшим тогда на Украине, институт, разрушенный в годы оккупации, стал быстро отстраиваться.

Расширилась клиника; в ней открылись новые отделения — детское, восстановительной глазной хирургии, тканевой терапии, а в экспериментальном секторе были созданы четыре новые лаборатории, в том числе проблемная лаборатория директора института В. П. Филатова.

В Одессу возвращались прежние сотрудники. Владимир Петрович сам энергично разузнавал о судьбе каждого, списывался с ними, помогал вернуться в родное гнездо.

Огромная радость овладела профессором, когда он узнал, что один из любимых его учеников, Владимир Евгеньевич Шевалев, которого считали пропавшим без вести, жив.

Как писалось выше, В. Е. Шевалев остался в осажденной Одессе. Оттуда он попал в Севастополь. И больше о Шевалеве никто ничего не знал. Друзья считали его погибшим. Да он и в самом деле был близок к смерти. Но и в аду фашистского плена, под постоянной угрозой расстрела Владимир Евгеньевич оставался тем, кем был всегда, — советским врачом, верным своей Родине. Вырвавшись из плена, он работал хирургом в армии, потом — в погранвойсках. Отсюда по настоятельной просьбе Филатова он был демобилизован и направлен в Одессу, в родной институт. И вот снова рядом друзья, любимые ученики...

Вся исследовательская работа, от кандидатской и до докторской диссертации, Надежды Александровны Пучковской прошла при неусыпном внимании Владимира Петровича, под его творческим наблюдением. В годы войны Надежда Александровна была начальником глазного отделения большого госпиталя; она прошла свой боевой путь с 4-м Украинским фронтом, была под Севастополем, в Карпатах, закончила войну в Польше.

Нередко писатели, рассказывая о женщинах-медиках, в особенности о военных хирургах, изображают их резкими, угловатыми, обязательно курящими... Надежда Александровна никогда не была похожа на этот портрет. Высокая, теперь уже немолодая женщина, она очень обаятельна, мягка.

Главное же в ней, как мне кажется,— заинтересованность в судьбе человека. И не только как пациента, больного. Нет! Пучковскую волнуют и личные обстоятельства, семейное положение, быт. Для нее больной — это прежде всего человек, со своей индивидуальной биографией, жизненными устоями, мечтами.

Вот за эту всеобъемлющую заинтересованность в судьбе человека, сочетающуюся с незаурядным мастерством хирурга, думается, так высоко ценил Н. А. Пучковскую Владимир Петрович Филатов.

Для Филатова была очень важна расстановка сил в институте. Ведь каждое отделение, входя составной частью в общий научно-исследовательский и клинический коллектив, представляет в то же время замкнутое целое. От правильного выбора руководителя отделения зависит очень многое.

Любящий детей, придающий огромное значение борьбе с детским травматизмом, Филатов по-особому заботился о вновь созданном детском отделении. Для руководства им Филатов вызвал из Туркменистана Сусанну Александровну Бархаш.

Одесская офтальмологическая школа издавна шефствовала над Туркменским трахоматозным институтом. Руководил им ученик В. П. Филатова профессор Константин Иванович Цикуленко. Он-то и связал Сусанну Александровну с филатовской школой.

— Меня издавна поражала в Филатове одна черта, — рассказывает Сусанна Александровна. — У него до глубокой старости не замечалось пресыщение людьми. Он с большим удовольствием принимал молодежь, возился с нами, маленькими периферийными врачами, в клинике, делил домашний досуг.

В марте 1945 года Украинскому экспериментальному институту глазных болезней было присвоено имя В. П. Филатова.

К концу 1946 года институт, расширенный, достроенный, развернул свою работу.

...В Одессе ясная, солнечная осень. Пламенеют листья дикого винограда, вьющегося по стенам, желтеют акации, с мягким стуком роняя на тротуар свои лиловые стручки. Слегка позванивают трамваи. Вот они замедляют ход. «Институт академика Филатова», — объявляет кондуктор. Человек в темных очках, бережно поддер-

живаемый молодой женщиной, осторожно сходит на землю. Неподдалеку от них мать ведет к институту девочку с повязкой на глазах.

Шахтер из Донбасса, горный инженер с Урала, морской летчик и юная пионерка из белорусского колхоза — сколько их, приехавших со всех концов Советского Союза в надежде на возвращение утраченного счастья!

Дорога к высокому светлому зданию института идет среди ярких осенних цветов и темно-зеленых кустов. Но многие из тех, кто приходил сюда, не видели их красы, не могли насладиться прелестью яркой южной осени.

В канцелярию института пришла утренняя почта — множество конвертов. Были среди них и такие: «Одесса. Владимиру Петровичу Филатову» или даже «Одесса, Главному главному доктору». И с таким адресом письма приходят точно сюда.

На стене кабинета заведующей отделением тканевой терапии В. В. Скородинской на карте стрелками показано распространение тканевой терапии в Советском Союзе: от Мурманска до Еревана, от Риги до Сахалина.

Библиограф в научной библиотеке института раскрывает последние номера зарубежных офтальмологических журналов, монографии, бюллетени. И в них, иногда с глухой недоброжелательностью, но чаще с изумлением и искренним восхищением много пишут об успехах советских ученых.

«Тканевая терапия известна во Франции еще очень мало. Результаты, скажем тут же, непостоянны. Но они часто сенсационны, и во многих случаях слово «чудо» произносится в научных обществах, авторитет и компетенции которых вне сомнения».

Так писал доктор Морис Лоссэр в своей работе «Тканевая терапия Филатова».

В 1945 году издаваемый в США офтальмологический журнал отмечал: «Большой импульс в области тканевой терапии был дан замечательными исследованиями русских. Последователи Филатова открыли совершенно новую фазу в медицине, почти такую же поразительную по подходу и захватывающую по размаху, как исторический вклад Пастера и Листера».

Русская гуманистическая наука врачевания, гордящаяся такими корифеями, как Сеченов, Мечников и Павлов, как Пирогов и Боткин, как наши современники

Сперанский, Бурденко, Филатов, всегда находилась на передовых рубежах борьбы за счастье человека. Вот как характеризует в одном из своих изданий Румынская академия наук успехи филатовской школы в области пересадки роговицы: «Известно, что в этой области, имеющей решающее значение для борьбы за возвращение зрения слепым, советская наука оставила далеко позади себя достижения буржуазной науки. Открытие Филатова опирается на материализм, на глубоко диалектическую концепцию. «Там, где смерть неизбежна, рождается жизнь» — такова основная идея Филатова».

Румынские ученые напоминали, что именно в 1946 году, когда возрожденный советский институт глазных болезней стал снова работать в полную мощность, в Америке был создан так называемый «глазной банк» для хранения и доставки в лечебные учреждения тканей, годных для пересадки. Тот, кто нуждается в пересадке роговицы, может за крупную сумму приобрести «материал для трансплантации». Если же такой суммы нет, больной обречен на слепоту.

Агентство «Юнайтед Пресс» сообщало о том, что подрядчик из Некс-Сити Фрэнк Бенбоу, нуждавшийся в глазной операции, решил приобрести глаз у молодой женщины, матери троих детей. Она так объясняла представителям печати свое решение: «Мой муж — трудолюбивый работник. Но его заработка не хватает на семью. Я продумывала этот план три года и обдумала его во всех отношениях. Мои малыши стоят того, чтобы рискнуть, и мой муж дал на это согласие».

Характерно, что после сообщения в печати эта женщина получила письмо, в котором говорилось: «Если у вас больше предложений, чем глаз, дайте мне знать. Я нахожусь в таком же положении и готов продать глаз». Человек, обреченный на голод и нищету, продает свой глаз!.. Какая пропасть лежит между этой спекуляцией на человеческих несчастьях — физических и социальных — и советским образом жизни, принципами советского здравоохранения!

Гуманное отношение к больному, советскому труженику, кем бы он ни был, глубокое чувство товарищества, уважение к труду другого — вот что характеризовало принципы Филатова. Он радовался успехам других, гордился достижениями своих учеников. «Больного надо

любить», — говорил Владимир Петрович. «Ведь он вручает вам свое самое дорогое — зрение. Когда появляется жалость к больному, желание во что бы то ни стало ему помочь, тогда появляются и новые мысли», — не уставал говорить он ученикам.

Филатов ввел в традицию после операций или же в перерывах между ними проводить с врачами беседы. Разбирая конкретный случай, он часто расширял тему, привлекая иногда совершенно неожиданный для слушателей материал. Он как бы размышлял вслух, а в этом тоже есть творчество. Его мысль была оригинальна, порусски самобытна. Он любил, когда ему возражали. Но об этом знали не все. И если его слушали безучастно, раздражался. «Да встрепенитесь же, черт возьми! — взрывался он. — Ведь такие важные вопросы решаются!»

Споры, противоречия вдохновляли его. Случалось, что, не согласившись с кем-нибудь, Владимир Петрович спустя два-три дня подхватывал его мысль, развивал ее. Он никогда не боялся признаться, что был не прав.

Надежда Александровна Пучковская вспоминает: «Его не надо было бояться. Больше всего ценил он в человеке самостоятельность мысли. Филатов многое предвидел, у него всегда была масса предложений».

Так передал он из рук в руки Н. А. Пучковской мечту своей молодости — идею о полной пересадке роговицы, то, что попытался совершить впервые еще в 1912 году.

Эта операция, применяемая ныне как метод борьбы со слепотой при выпяченных бельмах, прежде считалась невозможной. Такого мнения придерживался сначала и Филатов. Но он знал, верил, что она будет возможна со временем, что не он, так кто-нибудь другой сумеет вернуть зрение и таким глазам.

И такой предвиденный Филатовым день настал, такой врач нашелся. 8 апреля 1947 года Надежда Александровна Пучковская впервые провела операцию почти полной пересадки роговицы.

Этот метод борьбы со слепотой уже почти неживых, обреченных глаз не мог, разумеется, иметь такого большого числа благополучных исходов, как классическая пересадка на обычных бельмах.

После первых ста операций, которые были проведены в течение трех лет, удалось добиться благополучного исхода 10 случаев. В 19 произошло полупрозрачное при-

живление, в 25 острота зрения повысилась. Разве это не было уже победой?!

Совершенно безнадежными считали и случаи травм роговой оболочки. Человеческий глаз, говорит Надежда Александровна, создан природой очень мудро. Роговая оболочка глаза совсем прозрачна. Она вставлена в блок, подобно часовому стеклу. И вдруг ее неожиданно поражает взрыв, ожог. Это одна из тяжелейших травм, приводящая к срастанию век с поврежденной роговой оболочкой и всей передней поверхностью глаза, который как бы замуровывается веками. Операции при таких травмах не имели успеха.

В. П. Филатов учил: «Надо бороться за каждую каплю света, пока зрение еще не погребло окончательно».

И Надежда Александровна начала эту борьбу:

Разработанная ею операция зиждилась на надежде: может быть, там, на самом доннышке роговой оболочки, поврежденной химическими или термическими ожогами, есть тончайшая пленка здоровой прозрачной ткани? Значит, ее надо искать!

Для этого требовалось сначала устранить сращение между веками и глазом, что уже само по себе было трудным делом. А потом терпеливо, слой за слоем, с микроскопической точностью удалять серую ткань, искать замурованное прозрачное окошечко.

Операция эта называется послойной кератопластикой.

Большое место в жизни института в послевоенные годы заняла деятельность детского отделения. Вначале оно было рассчитано на 20 коек; но потом доведено до 48. Сюда поступают ребята в возрасте до 15 лет и малыши. Вместе с маленькими детьми остаются в институте матери. Число больных детей резко возросло во время войны.

Филатов понимал, какая колоссальная ответственность за будущее ребенка ложилась на плечи врача, боролся за это будущее иногда даже вопреки воле родителей.

«Однажды к нам в отделение поступила трехлетняя девочка с матерью,— вспоминает Сусанна Александровна Бархаш.— Один глаз ее был непоправимо поврежден и требовал срочного удаления. Мать на это не соглашалась. Мы уговаривали ее, но недостаточно решительно.

Между тем из-за соседства с поврежденным глазом опасность подкрадывалась и к здоровому.

Филатов, которому доложили этот случай, пришел в невероятную ярость. Он убеждал мать, что девочка по ее вине может лишиться обоих глаз, но и его уговоры были тщетны. А между тем для проведения такой операции согласие родителей необходимо.

Сроки истекали. На здоровом глазу появилось уже небольшое помутнение роговицы.

Филатов навел справки о других близких родственниках ребенка. Отцу и дяде девочки, работавшему в Проскурове прокурором, были отправлены из института пространные телеграммы с немедленным вызовом. Оба приехали. Родные потребовали гарантии, что, если один глаз ребенка удалят, другой обязательно останется здоровым. Давать такое обязательство теперь было уже рискованно. Владимир Петрович сказал мне: «Обещайте». Операция прошла успешно. Оставшийся глаз начали активно лечить. Но теперь родители настаивали на скорейшей выписке. Для нас это было проще всего, но мы категорически не согласились. Дав слово сберечь глаз, мы обязаны были проверять состояние зрения девочки в течение длительного срока. Смелость и в то же время чрезвычайная осторожность — этому учил нас Филатов».

Еще не так давно считалось, что пересадку роговицы и другие не менее сложные операции нельзя делать детям, не достигшим 15 лет. В институте имени Филатова на сотнях успешно проведенных операций было доказано, что хирургическое вмешательство допустимо даже в шестимесячном возрасте. И не только допустимо, но подчас и необходимо, ибо оберегает от тяжелых осложнений.

А как чувствуют себя маленькие пациенты дальше? Об этом красноречиво свидетельствуют письма от детей и их родных к заведующей отделением Сусанне Александровне и ее помощникам.

«Большое спасибо Вам за то, что Вы мне вернули зрение. Учусь во втором классе, получаю 4 и 5. Смотрела в Центральном Детском театре «Чиполлино». Очень понравилось.

Всегда помню Вас. Крепко целую.

Тамара Киреева».

«Моя дочь Наташа тяжело заболела дифтерией,— пишет из Костромской области машинист мехлеспункта П. Пахоруков.— Болезнь вскоре удалось побороть, но остались ее печальные последствия. Наташа лишилась зрения. Однажды, услышав по радио о глазных опера-

Малыш будет видеть!

циях в институте имени Филатова, мы решили повезти Наташу в Одессу.

Девочке сделали операцию и частично вернули зрение. Удачно прошла и вторая операция. Сейчас зрение Наташи значительно улучшилось.

Безгранична родительская благодарность передовой советской науке. У нас нет слов, чтобы выразить свою признательность врачам С. Бархаш, И. Черкасову, вернувшим зрение нашей девочке».

Эти чувства безграничной благодарности еще более глубоки у людей, которые прозрели после долгих лет слепоты.

Шесть раз приезжал в институт человек. Он женился, когда был еще слепым. Не видел и своего маленького сына. И вот Филатов открыл ему окно в мир. Велика

была радость врача, когда этот человек сказал: «Теперь я впервые узнал, как выглядят мои жена и сын!»

Есть в жизни института имени Филатова дни, которые занесены красной праздничной датой в его историю. Врач обычно и не знает, что юбилейный день уже наступил. Но бессменный руководитель научно-статистического отдела, историограф института Владимир Алексеевич Рукин проверил, уточнил данные: 2 августа 1949 года академик Владимир Петрович Филатов совершит в тысячный раз операцию пересадки роговицы.

Тысяча операций! А ведь кажется, еще совсем недавно он делал двухсотую, трехсотую... Как быстротекущее время! Хирургу исполнилось 74 года. Его «юбилейной» пациентке, учительнице Ерофеевой из городка Балашова, в три раза меньше. У нее, молодой, полной сил, двухстороннее воспаление роговых оболочек глаз. Будет ли она видеть?

Будет! Профессор верит в свой метод, в свое мастерство! Его уверенность передается больной. День в операционной начинается как обычно. Филатов надевает плотно застегивающийся хирургический халат, натягивает на обувь полотняные сапожки, меняет свою черную круглую шапочку на белую с прикрепленной к ней марлевой маской. Он надевает резиновые перчатки, сосредоточенно моет их зеленым дезинфицирующим раствором. Тем временем сестры и ассистирующие врачи готовят больную. Ее заботливо укладывают на операционный стол, стараясь, чтобы она не испытывала никакого неудобства.

Операционная, огромные окна которой выходят в сад, сверкает белизной. За окнами синее море.

На столах под белой марлей хирургические инструменты. В высоких сосудах из огнеупорного стекла, стоящих на электрических плитках, быстрые пузырьки пронизывают воду. Больная накрыта простыней. Вот ей вводят анестезирующие средства. Конечно, она волнуется. И хирург, которому одному разрешается здесь говорить с ней, спокойной интонацией, всем видом старается внушить ей: не беспокойтесь, все будет в порядке! Ведь исход операции во многом зависит и от душевного состояния больного.

Пораженный бельмом, густо обведенный по краям зеленой глаз ждет. Он — как бы частица души этого страдающего человека.

Филатов в тысячный раз в своей жизни вырезает из конъюнктивы — слизистой оболочки, обнимающей глазное яблоко, — узкую полоску. Потом она будет уложена поверх пересаженной роговицы. Сферические бестеневые лампы, спускающиеся с потолка, обеспечивают необходимую для операции яркость света.

В руках Филатова трепан, последняя усовершенствованная им самим модель. «Колумбово яйцо» пересадки роговицы, как назвал его сам Филатов, незатейливо: пустотелая трубочка с острыми краями, но оно обладает удивительным свойством предохранять хрусталик от ранения. Вращая трепан, хирург погружает его на необходимую глубину. А ведь речь идет о тончайшей роговой оболочке. Спокойствие! Надо только, иссекая диск бельма, действовать смело, как говорит Филатов, «до победного конца», не подавая из робости трепан назад, а двигая его уверенным движением. Но еще до того, как вырезать в бельме кружок, Филатов подходит к небольшому столу в углу операционной, где стоит холодильный шкаф. Здесь в постоянно поддерживаемой низкой температуре хранятся подготовленные для операции материалы — глаза.

Филатов достает глаз из маленького сосуда, наполненного дезинфицирующим раствором, вырезает трепаном диск. Он должен быть меньше, чем кружок в бельме, чтобы свободно подойти к его краям.

И вот в прорезанное в бельме окошечко осторожно укладывается кружок прозрачной роговицы (он уже был подготовлен к операции). Теперь полоска конъюнктивы, вырезанная Владимиром Петровичем вначале, натягивается над прооперированным местом, закрепляется.

Все время, пока длилась операция, хирург поддерживал контакт с больной: «Вам не будет больно... А вот сейчас немножечко потерпите... Мы заканчиваем...»

Тысячная операция приближается к концу. Сестра опускает на веко стерильную подушечку, накладывает бинтовую повязку. Больную бережно ведут в палату.

Пройдет десять дней, и она в кабинете Филатова скажет такое дорогое сердцу врача слово: «Вижу!»

Он подведет ее к картине. Ведь когда человек, прикованный длительной болезнью к постели, встает наконец на ноги, его учат ходить. А того, кто прозрел, учат видеть: «Что здесь изображено? Какого цвета?»

Врачи рассказывают о том, как однажды в их институте была произведена пересадка роговицы двум близнецам, слепым от рождения. Мальчики прекрасно отличали друг друга по голосу, по ощущениям. Но когда с них сняли повязки, они не узнали один другого.

Молодая балашовская учительница Ерофеева с начала нового учебного года — меньше чем через месяц! — могла вернуться в школу: ее зрение оказалось восстановленным до нормы.

Это счастливое событие совпало со знаменательным днем в жизни славного советского ученого: за крупные научные открытия и выдающиеся заслуги в области лечения глазных заболеваний академику Филатову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Среди множества поздравлений было и письмо от прозревшей учительницы. «Нет большего счастья, чем быть возвращенной к свету, к жизни, — писала она. — Это счастье благодаря Вам я узнала в Одессе в жаркий летний день, когда небо было особенно чисто, когда синевую играло море... Вчера еще ничего этого для меня не было — сегодня я увидела мир».

В семье ученого бережно хранятся письма, телеграммы от бывших пациентов. Часто Филатова поздравляли и совсем незнакомые люди.

Тов. Мумбаев из Карабалыкского района Кустанайской области обратился к Филатову с восторженными словами приветия: «Многоуважаемый академик, профессор и товарищ! Я много слышал и читал о Ваших замечательных делах. Я уверен, что Ваше имя будет стоять рядом с именами великих русских ученых, прославивших отечественную науку».

Писем, подобных этому, академик Филатов получал сотни. И он стремился отвечать на доверие и любовь народа своим неустанным трудом врача, ученого, депутата Верховного Совета УССР.

«Мы — от академика до колхозного пастуха — люди созидательного труда, — писал он в статье «Миру — мир», — мы законно радуемся каждой новой фабрике, новому заводу, новой шахте, новому клубу, новому институту, новой школе, как счастливая семья — новорожденному ребенку».

Советские ученые всегда были и будут в первых рядах вместе со своим народом... Мне хотелось бы, чтобы

мой голос слышали ученые за рубежом, особенно те из них, кто наивно думает, будто... можно остаться нейтральным, закрывшись в тиши своих кабинетов»¹.

Из самых отдаленных краев и областей нашей Родины приходили к заслуженному ученому вести о широком применении его методов лечения, об успехах и неудачах.

Свыше тысячи работ в СССР и около трехсот за рубежом было посвящено тканевой терапии еще при жизни Филатова. Это было также законной гордостью ученого.

Филатов радовался тому, что в Анадыре тканевую терапию применяет врач Антонов, на Амуре — врач Мамушин, неоднократно присылавшие в институт свои отчеты. С Новой Земли, из Якутска, из Мурманска — отовсюду шли к академику добрые вести о привившихся там ростках его науки.

Филатов с волнением раскрывал зарубежные издания, читал свидетельства распространения его теории и за пределами Родины. В феврале 1951 года Болгарское телеграфное агентство сообщило, что тканевая терапия успешно применяется почти во всех больницах и клиниках Болгарии. В Румынии, в Бухаресте, был основан центр по тканевой терапии с отделениями в других крупных городах страны.

Из Франции Владимиру Петровичу были присланы опубликованные там монографии о тканевой терапии, из Италии — научные исследования.

После второй мировой войны биогенными стимуляторами, предложенными советскими врачами, пользовались для восстановления своего здоровья бывшие узники Освенцима, чудом уцелевшие в фашистском лагере смерти.

Особенно радовали Владимира Петровича вести из Китая.

Газета «Наньфаньжибао» сообщала, что в одном только Кантоне тканевое лечение применяется в 26 клиниках и больницах. В марте 1951 года Министерство здравоохранения Китайской Народной Республики издало указание о внедрении тканевой терапии в практику лечебных учреждений Китая.

Профессор Я. М. Волошин пишет: «Еще в 1950-м году харбинский офтальмолог Ши Цзы-жун произвел пере-

¹ Журнал «Врачебное дело» № 9, 1950 год.

садку роговицы по методу В. П. Филатова. Теперь этот метод прочно вошел в лечебный арсенал китайских врачей. Широкое применение получил круглый кожный («филатовский») стебель в пластической хирургии. Профессор Чжу Хун-ин, Ли, доктор Ван и много других специалистов пользуются стеблем в восстановительной хирургии. Взята на «вооружение» и тканевая терапия¹.

Когда в Первом Китайском медицинском институте проводилось чествование академика Филатова, друзья поставили под его портретом иероглиф, который в Китае рисуют, когда стремятся выразить пожелание долголетия самому большому, близкому другу.

О чудотворных методах и удивительном мастерстве академика Филатова узнали и в странах, рвущихся из пут колониального рабства. Доктор Вьен Тьен Тань впервые узнал о Филатове из обрывка газеты, находясь в тюрьме, куда он был брошен колонизаторами. Когда благодаря обмену военнопленными вьетнамский врач снова попал к своим, он достал электрохолодильник и приступил к изготовлению тканевых препаратов. В джунглях он провел курс инъекций начальнику партизанского отряда, лежавшему уже около полугода. Человек, который не мог поднять окостеневших рук, после первых инъекций стал сам есть палочками рис, а через неделю встал на ноги.

Об одном очень интересном знакомстве Филатова рассказывает кинорежиссер Р. Кармен². В 1954 году, находясь во Вьетнаме, он сообщил о методе Филатова выдающемуся вьетнамскому врачу, ныне министру здравоохранения Фам Нгок Тхаку, и тот стал страстным последователем метода советского ученого.

В начале войны с колонизаторами Фам Нгок Тхак руководил подпольными партийными организациями и партизанским движением в районе Сайгона. Когда партия трудящихся Вьетнама вернула его к медицинской работе, он создал в джунглях больницу, лабораторию. Трудно без волнения читать письмо вьетнамского врача-революционера. «Дорогой профессор Филатов! Ваш метод, применяемый нами, дает такие поразительные результаты, что имя Ваше произносится с почтением

¹ Я. М. Волошин, В новом Китае, Одесское областное издательство, 1958.

² См. Р. Кармен, Свет в джунглях, «Советский писатель», 1957.

даже самыми безграмотными из наших крестьян... Находясь далеко от Вас, мы иногда должны идти ощупью. Нам необходимы Ваши просвещенные советы. Мы, вьетнамские врачи, все наши знания отдаем в помощь революции и боремся за мир, надеясь, что мы сможем тогда научиться у наших великих русских товарищей. Я надеюсь, что настанет день, когда я смогу лично Вас увидеть и почтительно и братски пожать Вашу руку».

Из Одессы последовал телеграфный ответ.

«Дорогой товарищ Фам Нгок Тхак! Счастлива был получить Ваше письмо. Направляю авиапочтой подробное письмо и несколько моих статей и брошюр на французском языке.

Желаю Вам и Вашим товарищам больших успехов в работе на благо Вашего народа. Ваш Филатов».

Много добра принес академик Филатов людям.

Уверенный в движениях, по-молодому прямой, остроумный и тонкий в суждениях, чаще серьезный, а порою, особенно в дружеском кругу, насмешливо-лукавый — таким запомнился он и тем, кто встречался с ним как больной, и тем, кто с гордостью называл его своим учителем.

В Колонном зале Дома Союзов с трибуны Всесоюзной конференции сторонников мира врач говорил о радости труда на благо Советской Родины, страстно призывал всех, кому дорого мирное грядущее, сплотиться в борьбе за жизнь, здоровье и счастье народов.

Бывший военный моряк, экскаваторщик Куйбышев-гидростроя Борис Коваленко, выступая вслед за Владимиром Петровичем, взволнованно рассказал: «В годы Великой Отечественной войны я был тяжело ранен, ослеп. Профессор Филатов, делегат нашей конференции, вернул мне зрение...»

Два человека, старый и молодой, которым народ доверил высокое представительство на ассамблее в защиту мира, врач и прозревший благодаря ему экскаваторщик, крепко пожали друг другу руки.

Полным глубокого смысла было свидание Владимира Петровича со своими земляками в Мордовии. Он приехал туда, где начинал когда-то жизнь, — в Саранск, в Михайловку, чтобы рассказать рабочим, колхозникам, врачам, партийному и советскому активу республики об итогах труда руководимого им института.

«Встреча в Михайловке была трогательной, — расска-

Но гораздо чаще он писал серьезно, хотя и не профессионально. «По «правилу»,— признавался автор,— я осилить форму не мог, да, по правде, и не хотел, ибо в этом есть слишком большая нарочитость».

Академик Е. Н. Павловский в упоминавшейся книге «Поэзия, наука и ученые» справедливо пишет: «Стихо-

За любимым занятием.

творные формы изложения научных произведений отжили свое время; но ученые-поэты не перевелись. Формой их поэзии является лирика; в ней авторы сознательно или подсознательно ищут кратковременный отдых в замене основной умственной работы научного характера поэтическим творчеством».

Это замечание во многом относится и к Филатову.

Наше время, когда человек, трудясь у станка, высвобождает для себя время и получает возможность заниматься и другими полюбившимися ему делами — живописью, поэзией, спортом, наше время подсказывает и другие выводы, а именно о гармоническом развитии личности.

Нет сомнения, что в будущем люди получают неограниченные возможности для развития всех своих способностей, happily дополняющих друг друга.

1917 год разделил большую жизнь В. П. Филатова на две почти равные по времени части; он встретил Октябрьскую революцию уже зрелым, сложившимся человеком. Но именно при Советской власти, в те 39 после-революционных лет, в течение которых развернулась его основная врачебная и научно-исследовательская деятельность, именно в эти годы открылись и материализовались его смелые мечты.

А загадывал он решительно и верно. «Я полагаю,— писал он в статье «Проблематика кафедры глазных болезней»¹,— что проблемы тогда важны, когда при разработке их можно ожидать результаты, способствующие правильному пониманию диалектики природы и дающие возможность овладения силами природы для осуществления ценных задач строительства коммунизма». Эти слова полностью относятся ко всему, чего достиг Филатов в науке; каждая проблема, которой он занимался, отвечала этим высоким требованиям, поставленным взыскательным ученым и гражданином.

А его замыслы в области сочетания искусства и жизни, разве остались они бесплодными?!

Выше уже приводились выдержки из писем Владимира Петровича Филатова к В. В. Ковальскому. Их объединяла не только общность научных воззрений. Переписка, продолжавшаяся до последних дней жизни Филатова, поражает широтой затрагиваемых вопросов.

Делясь с другом итогами совершенного, ученый говорил о своих планах на будущее, высказывал профессионально тонкие суждения о литературе и искусстве. Он часто обращался к творчеству любимых поэтов — великого английского драматурга Шекспира, автора стихотворных исторических трагедий А. К. Толстого и других.

Филатов глубоко интересовался историей. В сентябре 1943 года он сообщил Ковальскому о своей работе над новой поэмой, начатой вскоре после посещения озера Иссык-Куль:

«Первая часть посвящена Пржевальскому — он готовился здесь к последнему тибетскому путешествию, здесь умер и похоронен. (На северном берегу, а я был на южном.) Вторая часть — живописная. Третья часть — легенда... Город утонул в XI веке (исторический факт). Стены его видны в солнечные дни сквозь воду...»

¹ См. «Сборник научных работ глазной клиники», Одесса, 1936.

Когда-то на берегах Иссык-Куля было четыре больших и пять малых городов. Издавна после потрясавших озеро штормов рыбаки находили на берегу вынесенные волнами бронзовые, серебряные и золотые кувшины, ножи, монеты. В сетях вместе с живым уловом попадались и черепки глиняных сосудов, остатки строений.

Филатов мечтал организовать научно подготовленную экспедицию для поисков затонувших на дне озера древних крепостей и поселений. Он писал об этом:

Преданье есть: когда глубины
Ты, небо, озаришь до дна,
Оттуда выступят равнины
И оживится вновь страна.

Ученому не пришлось осуществить свой заветный замысел.

Сегодня то, о чем мечтал Филатов, сбылось. На озере работает подводная археологическая экспедиция Института истории Академии наук Казахской ССР. Молодые археологи наносят на карту развалины ушедших под воду древних крепостей, проводят фотосъемку. Скоро тайны Иссык-Куля будут разгаданы!

Филатов любил жизнь, о многом мечтал. На последней странице своих воспоминаний он приводит строчку из стихотворения А. К. Толстого, которое ученый называет дивным, — «Благословляю вас, леса».

Владимир Петрович пишет: «Так и я от всего сердца готов сказать — благословляю тебя, родная природа, питавшая меня чистыми соками твоей красоты».

ИНСТИТУТ СВЕТА

Ранним утром в саду у входа в институт работает садовник. Он с любовью смотрит, как одна за другой раскрываются навстречу солнцу чашечки вьющейся голубой ипомеи. Ее семена Филатов вывез из Средней Азии, и они хорошо прижились здесь. Садовник срезает сухие ветки, следит за ростом южных деревьев.

Бывает, прихватит листья холодным ветром, налетевшим с моря. Но и в дереве рождаются, борются могучие силы противодействия.

У входа в институт имени Филатова прикреплена мемориальная доска. На ней барельефный портрет акаде-

мика в хирургической шапочке и в халате, лавровая ветвь и надпись: «В этом здании в 1939—1956 годах работал Герой Социалистического Труда академик Владимир Петрович Филатов, организатор и бессменный руководитель Украинского научно-исследовательского института глазных болезней и тканевой терапии».

Мы открываем двери в кабинет Владимира Петровича, превращенный ныне в музей. Сколько людей входило сюда с робостью, иногда с отчаянием, а выходило с надеждой! В кабинете много цветов: Филатов любил зеленые побеги жизни, хотел, чтобы те, кому он возвращал зрение, видели эти ростки. На вешалке — его белые халат и шапочка.

К стене прикреплена карта мира с красными кружками. Это сотни лечебных учреждений в наших городах и рабочих поселках, это сельские районные больницы, где неутомимо трудятся ученики и последователи Филатова. Но для добрых семян знания не существует границ. Ведь в Китае, Монголии, Венгрии, Чехословакии, Польше, Германской Демократической Республике, Кореической Народно-Демократической Республике, Вьетнаме, Франции, Италии, Японии и других странах простые люди знают имя Филатова. Предложенные им методы лечения шагают по земле.

На Венской сессии Всемирного Совета Мира в ноябре 1953 года академик Несмеянов говорил: «Мы радуемся тому, что методы восстановления утраченного зрения, найденные Филатовым, находят широкое применение не только в нашей стране, но позволяют увидеть мир многим в других странах».

Родина высоко оценила научные завоевания Владимира Петровича Филатова. Академия наук Украинской ССР и Академия медицинских наук СССР почтили его избранием в действительные члены. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Украинской ССР.

Владимир Петрович Филатов был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и орденом Отечественной войны первой степени. За выдающиеся труды по пересадке роговицы и тканевой терапии В. П. Филатов был удостоен в 1941 году Сталинской премии первой степени.

В этом кабинете Владимир Петрович встретил свое

восьмидесятилетие. Это был замечательный праздник. Академика чествовала вся страна. Казалось, стены кабинета, да и театра, где был устроен торжественный вечер, раздвинулись — так много людей хотели выразить ему в тот день свою признательность. Телеграммы шли со всех концов. Академика поздравляли ученики — талантливая плеяда института, бывшие его пациенты — инвалид войны Владимир Тронский с Сахалина, Винченца Дзиомбек из польского городка Бжозевице-Камень, четырехлетний сын донецкого шахтера Саша Перегудов, подаривший Филатову в благодарность за исцеление свою любимую игрушку — серого мишку, и 112-летний житель Луганской области Терентий Козырь. Академик Сперанский писал В. П. Филатову: «Многое из того, что Вами сделано, навсегда останется в науке». А на стол, как птицы, слетались все новые и новые телеграммы: от поэта Павло Тычины и Героя Советского Союза украинского партизана Ковпака, из Антарктики — от моряков советской китобойной флотилии «Слава», от академий наук Чехословакии и Румынии, от Министерства здравоохранения Китайской Народной Республики.

Перешагнув через порог восьмидесятилетия, Филатов был по-прежнему полон деятельных планов и замыслов. Правда, он уже не оперировал. С грустью передал старый хирург дни и часы своих операций другим врачам. Но искания не оставляли его.

Жена и верная помощница ученого Варвара Васильевна Скородинская вспоминает:

— До самых последних дней своей жизни Владимир Петрович думал о своем деле, о помощи больным. Он не раз говорил, что больше всего его интересовало учение о биогенных стимуляторах. И добавлял: «По-моему, жизнь — это постепенная отдача энергии. И пока ты запасы ее черпаешь из природы, ты живешь». Он много думал о будущем, о поездке в Индию и Китай.

Владимиру Петровичу не пришлось побывать в этих странах, куда его приглашали как дорогого гостя.

...Пожелтевший откидной календарь на его письменном столе. 30 октября 1956 года. Эта дата обведена черной рамкой.

Рядом на столе лежит книга с записями гостей института. Первые из этих записей, сделанные весной и летом 1956 года, Филатов читал незадолго перед смертью.

В начале мая институт посетила Китайская профсоюзная делегация. «Мы видели людей, вернувшихся к жизни благодаря усилиям академика Филатова и его учеников,— писали китайские друзья.— Мы чрезвычайно рады Вашим успехам и благодарим Вас, ибо Ваш опыт лечения слепых уже применяется и у нас в Китае. Мы благодарны Советскому Союзу за его бескорыстную и всестороннюю помощь нашей стране.

Да здравствует нерушимая дружба наших народов!»

«Мы из Америки,— гласит другая запись.— Наше восхищение людьми здесь безгранично. Они совершают удивительное дело».

«Нашей стране принесли большую пользу методы Филатова, которые у нас начали применяться после войны»,— пишут сирийцы.

«Египетское спасибо! Полученные Вами данные с таким же успехом могут быть применены для наших черных глаз, как и для ваших голубых. Доктор Махамед. Египет. Каир».

Гостя из Польши записывает: «Если можно сказать, что наш великий соотечественник Коперник «остановил солнце и привел в движение землю», то о Вашем научном и лечебном учреждении можно сказать, что оно возвращает солнце несчастным слепым людям».

Гость из далекой Индонезии назвал Институт имени академика Филатова Институтом Света.

В Институте получили исцеление немало больных, приезжавших из-за рубежа.

«Больной любой страны, национальности и различного цвета кожи окружен здесь чутким вниманием и проникновенной заботой,— писал египетский профессор Хасан Сабхи.— Не забуду тот день, когда врачи были так искренне рады, как будто увидели сокровище, обнаружив, что после трехнедельного лечения я смог различать первые проблески столь дорогого для меня света. И эта сердечная радость врачей является вершиной любви к человеку — характерной чертой социалистического общества, построенного советскими людьми.

Академик Филатов воспитал в каждом из работников института стремление к науке, любовь к человеку».

Больных из капиталистического мира поражало, что здесь лечат бесплатно, ко всем одинаково внимательны.

Последним пациентом Филатова оказался 70-летний

англичанин, из Южного Уэльса, директор начальной школы Бринли Гриффитс. Когда он уезжал в Советский Союз, английские газеты писали, что слепой англичанин едет в поисках света.

В институте Гриффитса окружили дружеским вниманием. Тканевая терапия и на этот раз доказала свою могучую действенность. Больной поправлялся. В последний раз он был на приеме у Филатова 16 октября 1956 года.

Несколькими часами позже, еще находясь в институте, Владимир Петрович упал и повредил коленную чашечку. Его перенесли домой. Но и прикованный болезнью к постели, он продолжал руководить работой института, вызывал к себе сотрудников, беседовал с врачами, занимавшимися на курсах при институте.

На двенадцатый день врачи обнаружили грозные признаки поражения центральной нервной системы. Утром 29 октября Владимир Петрович потерял сознание и через сутки умер от кровоизлияния в мозг.

Среди друзей и учеников Филатова, стоявших в почетном карауле у гроба, был и его последний пациент англичанин Гриффитс.

Когда-то девиз голландского врача «Светя другим — старею» стал жизненным принципом для отца Владимира Петровича, а впоследствии и для него самого. И, наверное, Владимир Петрович, любивший цветы, возвращавший людям красоту, особенно обрадовался бы, прочитав в тетради запись голландского журналиста Яна ван Вирингена. «Мы, голландцы, хорошо знаем институт имени Филатова. И как необычно это ни звучит, но есть связь между прекрасными цветами, которые мы выращиваем, и работами профессора Филатова...»

А пациент из Южного Уэльса Бринли Гриффитс, уезжая на родину, написал в тетради:

«Я был пациентом института. Спасибо за доброту, которой я был окружен. Смерть профессора Филатова была большой потерей для всего мира. Такие люди встречаются редко. Мое пребывание в институте в качестве пациента укрепило и утвердило мое убеждение, что в области науки Советский Союз не имеет себе равных.

Пусть здравствует мир, с тем, чтобы ваши усилия увенчались в будущем еще большими успехами».

Эта запись была сделана уже после 30 октября 1956 года.

ЦЕНА СЧАСТЬЯ

В институт пришло письмо из далекого Заполярья. Оно адресовано Надежде Александровне Пучковской. Комсомольцы — молодые строители Норильска и их воспитатель Елена Васильевна Глаголева писали: «Просим Вас принять заочное участие в диспуте, который состоится у нас в общежитии, на тему: «Что такое счастье?» Очень просим написать нам свое мнение о том, что нужно человеку для того, чтобы быть счастливым?»

Надо сказать, что ребята из Норильска нашли правильный адрес. В Институте Света знают, что такое счастье и что нужно для того, чтобы быть счастливым.

Владимир Петрович Филатов — счастливый человек. Он жил любовью к Родине, к избранному им делу, к людям; он дарил им свет, возвращал зрение больным, потерявшим всякую надежду на радость. И это самое великое счастье на земле — любить Отчизну, свой труд и дарить радость людям.

Надежда Александровна Пучковская, талантливая ученица академика Филатова, приняла участие в заочном диспуте молодых строителей Норильска. Она написала им о работе института имени Филатова, о неустанных поисках его коллектива, о том, какое это счастье — заниматься любимым делом, возвращать людям утраченные надежды, делать их здоровыми, дать им возможность трудиться, жить полноценно, быть полезными обществу.

Слепота преждевременно старит человека: опускаются плечи, резкие морщины, хранимых в душе страданий, бороздят лицо, движения становятся неуверенными. Но как оживают эти люди, когда, избавившись от уродливых белым, их глаза снова вспыхивают живым блеском, когда близкие, земные краски предстают перед ними, становятся вновь обретенной, чудесной явью!

Вот Надежда Александровна Пучковская и ее ближайший помощник Григорий Васильевич Легеца, в прошлом артиллерист, избравший благородную профессию врача, осматривают недавно прооперированных.

По тому, как Пучковская и Легеца беседуют с ними, можно понять: это не только врачи и больные, но и товарищи, относящиеся друг к другу с глубоким доверием.

Анна Ивановна Бред приехала в Одессу из Красноярского края. С этой молодой женщиной произошло

страшное несчастье: негашеная известь выжгла ей глаза. Это случилось в 1955 году. Анна Ивановна была заму- жем, имела пятилетнего сына Володю.

С тех пор она родила еще двух сыновей. Тяжка у часть матери, которая не знает, как выглядят ее дети. «Геночке теперь три года, Сереже — полтора, а я ведь ни разу даже не видела их. А каково-то мужу?»

Надежда Александровна говорит: «Хороший у вас муж. Очень, видно, хороший он человек!»

Сложнейшая операция была выполнена талантливым врачом на редкость удачно. Где-то на дне поврежденной роговицы найден заветный непораженный слой. Теперь Аня, смутно различавшая свет, читает буквенную таб-лицу. Когда мы зашли в палату, она самостоятельно пи-сала домой письмо.

Кисвянин Георгий Михайлович Фомин был в годы войны танкистом. Ему светила звезда удачи: участник многих танковых боев, он прошел через всю войну невредимым. А на заводе, в мирное время, получил тяжелей-шую глазную травму. Операция дала ему немного, всего два процента зрения. Но ему, уже свыкшемуся с мыслью, что до конца своих дней он останется совсем слепым, и это представляется великим даром.

Вот почему под письмом Надежды Александровны Пучковской о счастье могли бы подписаться и такие за-мечательные врачи, неутомимые продолжатели дела Филатова, как профессора С. Ф. Кальфа, В. Е. Шева-лев, Д. Г. Бушнич, талантливая смена — сын Владимира Петровича С. В. Филатов, Ю. Д. Бабанина, Л. Т. Кашин-цева, Л. Ф. Линник, И. С. Черкасов и многие другие.

«Большое вам спасибо за ответ,— писали но-рильцы.— В нашем коллективе встречаются ребята с настроением какой-то неудовлетворенности жизнью... Но теперь ведь все это осталось позади, дороги в будущее широко открыты, только иди смело, будь бодр духом — и достигнешь прекрасной цели. Ваш ответ заставит их задуматься и понять, что сама возможность быть пол-ноценным в обществе, ощущать всю красоту жизни — уже счастье».

«...Читая ваше письмо, я очень переживала,— писала Е. В. Глаголева.— Моя дочка десять лет назад ранила глаз. Ей грозила полная слепота. Один глаз ослеп, по- том стало слабеть зрение вто́рого глаза. Врачи спасли

его. В прошлом году дочка отлично окончила Костромскую школу слабовидящих, работает на фабрике. Ее любил хороший юноша из этой же школы, и они сейчас счастливы. Оба — комсомольские активисты».

Последователи Филатова работают в Одессе, Алма-Ате, Баку, Луганске... Институт плодотворно умножает традиции того, чье имя он по достоинству носит.

Есть такая мучительная глазная болезнь, рубцовый ксероз, при которой роговая оболочка глаза становится жесткой и сухой, слезные железы перестают выделять слезы. Филатов, осматривая такого больного, высказал предположение о возможности замены иссякших слез секретом другой, расположенной рядом железы.

За разрешение этой нелегкой задачи взялся Владимир Евгеньевич Шевалев. Он предложил проложить под кожей путь от околушной слюнной железы к глазу, подвести ее к нижнему веку, заменить слезу слюной. И это спасет глаз. Смелая новаторская операция по методу Шевалева теперь проводится не только у нас, в Советском Союзе, но и в Китае, Румынии, Болгарии, Голландии, Индии, Польше.

Другим научным достижением В. Е. Шевалева является новая методика лечения при отслойке внутренней оболочки глаза — сетчатки. Это трудная операция. Но таккова уж атмосфера в институте — любая операция, какой бы трудной она ни была, проходит в обстановке спокойствия, глубокого доверия больного к хирургу.

Мне довелось присутствовать на одной из них. Шла борьба за единственный уцелевший, но изувеченный глаз больного. Минер жестоко пострадал при уничтожении мины, оставшихся со времен войны. Итак, через 15 лет после Дня Победы в операционной снова происходил поединок между войной и миром, за свет, против тьмы, за жизнь. Я не берусь описывать подробно эту длительную, трудную операцию. Поразительны были уверенное мастерство хирурга — точное, почти ювелирное — и безукоризненная работа его помощников. И немудрено: ведь такие из них, как старшая операционная сестра Юлия Константиновна Николаева, работают здесь со дня основания института.

Глубокое уважение вызывала и выдержка оперируемого больного. Он как только мог помогал врачу, спокойно отвечал на вопросы.

Когда операция была успешно завершена, В. Е. Шевалев пригласил врачей в соседнюю комнату. И началась, в добрых филатовских традициях, послеоперационная беседа.

Увлечшись, Владимир Евгеньевич говорил о праве врача на применение новых методов. «За границей часто в целях рекламы происходит спекулятивная подтасовка

В институт приехали гости из-за рубежа.
В центре Н. А. Пучковская, слева от нее — В. В. Скородинская.

фактов. Наша обязанность и цель иные — получение положительных проверенных данных. Филатов не раз говорил: если тебе кажется, что ты что-то придумал, поройся в старых научных журналах, ты обязательно натолкнешься на нечто подобное. Мы имеем право на применение новых средств, новых операций, если это обязательно для блага самого больного, если врач уверен, что другие, старые, испытанные средства ему не помогут. И тогда надо действовать смело, не страшась риска.

Вы видели, как помогал нам сегодня во время операции больной, — это было потому, что он верил, что он был подготовлен. А готовить — это значит давать надежду!»

В такой обстановке полного доверия больного к хирургу проходят операции Н. А. Пучковской. Помню, во время одной из них, полной пересадки роговицы, Надежда Александровна все время поддерживала больную, совсем молоденькую девушку, ласковым словом. «Я ведь тебе обещала, что больно не будет. И я держу свое слово. Мы ведь тебе ничего особенного не делаем; только шьем». И, чтобы не пугать больную, называла хирургические инструменты условными наименованиями.

Конечно, у каждого хирурга есть свой почерк, свой стиль работы. Но в институте имени Филатова в творчестве многих врачей, составляющих его нынешнюю славу и гордость, есть одна общая черта, воспитанная его основателем, — любовь к человеку...

Растет слава института. Около 200 тысяч писем получено им за короткий срок. Их шлют из Бирмы и Ирака, Канады и Туниса, Конго и Чили. «Местные врачи, — пишет под диктовку своей слепой жены человек, живущий в Калифорнии, — ничем помочь не могут. Мы слышали о чудесах, которые совершают ваши окулисты, применяя метод тканевой терапии по способу академика Филатова. Разрешите мне и моей жене приехать к Вам и институт, она очень на вас надеется».

Недавно группа советских врачей вернулась из Афин, где участвовала в работе первого европейского конгресса офтальмологов. В составе этой группы была и Надежда Александровна Пучковская.

Узнав об ее приезде, ее сразу же навещал Георгиос Сфикас, которого Надежда Александровна успешно прооперировала в институте имени Филатова. Он пришел, чтобы еще раз выразить свою глубокую признательность. «У вас я увидел то, — говорил он, — чего не встречал ни в Швейцарии, ни в США, где лечился прежде. Сейчас не только я сам, но и мои знакомые, соседи поняли, как высоко стоит советская медицина. В СССР несчастье одного человека не служит средством наживы для других. Я постоянно буду помнить ту большую помощь, которую мне оказали советские врачи, проявив человечность и большое великодушие».

Институт Света — так называли институт Филатова друзья. Его по праву можно было бы назвать и Институтом Возвращенного Зрения.

«Вы открыли глаза слепым людям, окошки человеческой души, чтобы они видели свет,— так сказал в своем письменном приветствии советским врачам Ван И, гость из Китая.— Вы открыли также глаза сотен миллионов людей, чтобы они видели мощь социализма, видели быстрый подъем науки при социалистическом строе. Желаем делу Филатова развиваться дальше, от победы к победе».

Филатов мечтал о времени, когда слепота исчезнет совсем. Он, глава школы, занимающей первенство по количеству операций пересадки роговицы, в книге, подводящей итоги его полувековой работы, писал:

«Я, начав за здравие, хочу кончить за упокой пересадки роговицы. Ведь пересадка роговицы нужна только на худой конец, когда уже есть бельмо. А разве это неизбежно, чтобы были бельма? Нет, тысячу раз нет!

Будет время, когда советская офтальмология лечебными и профилактическими мерами добьется того, что пересадка роговицы будет похоронена. Этого я ей желаю как можно скорее»¹.

Сгинут болезни, уродства человеческого тела и души, порожденные социальной несправедливостью, уйдут в далекое прошлое войны, калечащие, уничтожающие миллионы цветущих жизней.

В Японии, испытавшей ужас атомных взрывов, создано медицинское общество имени академика Филатова. В Токио и Осака на средства общественности основаны научно-исследовательские институты тканевой терапии, занимающиеся изучением и внедрением в жизнь передового метода советской медицины.

Недавно все газеты мира облетело трагическое фото: два плачущих японских ребенка. Это слепые близнецы, они родились такими потому, что их отец подвергся облучению во время взрыва атомной бомбы в Хиросиме. Поистине неисчислимы ужасы войны!

Вот почему вслед за великим советским ученым мы повторяем: «Кто любит созидательный труд, кто любит человека, кто хочет, чтобы наука служила людям, тот будет с нами, миллионами активных борцов против войны!»

Мирная битва за возвращение человеческого счастья продолжается!

¹ В. П. Филатов, Мои пути в науке, стр. 33—34.

Мне хочется закончить рассказ о героическом труде советского врача-патриота стихами, которые я посвятил и послал Владимиру Петровичу Филатову еще при его жизни, стихами о счастье, возвращенном людям.

Черноморское лето в цвету —
Голубом,

нежно-розовом,
белом.

По дорожке песчаной в саду
Ходит девочка Валя несмело.
Водит Валя руками опять
По упругой, душистой сирени,
Словно хочет цветы сосчитать.
На зрачках ее легкие тени.
Блеск стрекоз, синий гребень волны,
Яркость роз,

облик милого дома
Ей с младенческих лет не видны,
Лишь на ощупь предметы знакомы.
Только в памяти краски живут,
Пробиваясь сквозь вязкую темень...
В этот утренний час в институт
Торопливо идет академик.
С зорким взглядом и строгим лицом,
В черной шапочке, седобородый,
Словно вырезан острым резцом
Он из дерева крепкой породы.
В этот день,

в этот утренний час
Слепота отступает от нас.
Маски, скрывшей лицо, белизна.
Руки в тонкой резине зеленой,
Напряженная тишина
Светом залитой операционной.
...Погоди! Как привыется росток,
Совершится ли это прозреньё?
Сон ребенка спокоен, глубок.
Ночь хирурга — в тревожном волненье.
Наступает назначенный час.
Мать стоит в белоснежном халате,
Не сводя с милой девочки глаз.

Окна в сад приоткрыты в палате,
Голубеют, алеют цветы,
Ветки, кажется, тянутся ближе.
Ассистенты снимают бинты,
И ребенок кричит:

«Мама! Вижу!»

Видит белую прядку луча,
Видит зелень лозы винограда.
Это — высшее счастье врача,
За бессонные ночи награда.
Видит небо и видит цветы
Ей еще неизвестного цвета...
Я хочу, чтоб и ты, чтоб и ты,
На другой половине планеты,
Свет надежды увидела, мать,
Испытала бы дружбы участие.
Надо жить не затем, чтоб страдать,
Жизнь дана человеку —
для счастья!

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКАТЕЛЬ	5
В ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЕ ПРЕРАСНО:	17
ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА:	33
ВИЖУ!	40
ИНСТИТУТ СВЕТА	59
ЦЕНА СЧАСТЬЯ	64

Азаров Всеволод Борисович.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ. М., Госполитиздат, 1981.

72 с. с илл. (Герои и подвиги.)

617.7 + 61 (09)

Редактор *Н. Гудкова*

Художник *В. Талашенко*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Т. Клямова*

Корректор *А. Мочалова*

Сдано в набор 23 февраля 1981 г. Подписано в печать 25 апреля 81
Формат 84 × 108^{1/2}. Физ. печ. л. 2^{1/4}. Услови. печ. л. 3,69. Учетно-изд.
Тираж 100 тыс. экз. А 03772. Заказ № 2445. Цена 10 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

Поверніть книгу не пізніше зазначеного терміну.

--	--	--	--	--	--

Поверніть книгу не пізніше зазначеного терміну.

--	--	--	--	--	--

10 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1961